

МИСТЕРИУМ

Северский

18+

Северский
Мистериум

«Автор»

2026

Северский

Мистериум / Северский — «Автор», 2026

Мистика неразрывно связана с любовью и смертью, обретением нечто нового в самых его разных проявлениях. Таким новым могут быть полученные знания, или вещи-символы, духовное просветление, или возникшее чувство причастности к вечности, а за вечностью неизбежно проступает бессмертие, столь вожаделенное смертными. В древности и средневековой Европе разного рода мистические практики были распространённым явлением. Казалось бы, всё это в прошлом. Но и сейчас, в нашей современной обыденности можно, если внимательно в неё всмотреться, увидеть продолжение мистериальных актов, которые не зависимо от нашей воли определяют нашу судьбу. Только нужно внимательно всмотреться в реальность, без всяких фантазий или тумана всякой дури, надо сделать усилие над собой, и вот чудо оказывается совершенно рядом. Уходящее к "вечному возвращению мифа" по Элиаде, к Вечному мифу. Роман многоплановый, поэтому имеет разное прочтение и каждый найдёт в нём нечто своё

© Северский, 2026

© Автор, 2026

Северский Мистериум

И восходит солнце...

Хемингуэй

Было невыносимо тяжело. И потому я пришёл в храм.

Человек редко заходит в храм и думает о Боге. В моменты больших церковных праздников мы как-то естественно, и даже неожиданно для себя, оказываемся в особой атмосфере общего торжества и затем приближаемся к храму. А в повседневной жизни, вроде не задумываешься. Живёшь и живёшь, своими простыми мыслями и смыслами, иногда проблемами, и само собой получается так, каким образом нужно жить. Если возникают сложности, человек их преодолевает, или ищет выход из сложившейся ситуации, и чем сложнее ситуация, тем больших усилий требуется для преодоления нависнувшего чёрного облака. Человек черпает силы в себе, напрягается, борется, и всё это происходит до тех пор, пока силы не покинут его, пока он не почувствует навалившуюся пустоту, и что более страшно – бессилие. Где взять силы, к кому идти? Никакие друзья и покровители не смогут что-либо изменить, потому что не в их силах. Только глупцы могут радоваться чужой помощи и временному облегчению от их содействия в разрешении чёрных обстоятельств. Только у глупцов, решившихся воспользоваться чужой помощью, постепенно, а затем навсегда, останется ощущение вкуса своей невозможности разрешить сложную проблему – привкус бессилия останется, как навсегда остаётся в памяти вкус от противной сукровицы во рту после первого в жизни пропущенного удара. У глупцов навсегда останется подобие страха перед новой, обязательно вновь когда-то в будущем подоспевшей проблемой, или беде, от которой уже не отвернуться, холодный страх останется навсегда осадком, неотвязной ночной тенью, покидающей человека только, когда появляется солнце. Глупцов много. Но есть те, кто не пользуется чужой помощью и всё делает сам. Пока хватает сил. А потом наступает усталость и становится невыносимо тяжело, до безразличия и оцепенения. И тогда мы вспоминаем о Боге. Что мы знаем о Боге? Что Он и Кто Он? Всё в дымке неизвестности, кроме неких смутных воспоминаний о виденном и слышанном. И тогда мы идём в храм. Сильные, серьёзные мужчины в своей слабости подобны детям. Как ребёнок бежит к матери, ища спасения и защиты, так и сильные мужчины с трудом, с каким-то напряжением и одеревенелостью идут к Матери, ищут в храме её образ, несут к нему слабенький огонь свечи, останавливаются перед образом, и стоят. Все мы оказываемся со времён перед Её образом, и президент, которого показывают по телевидению с зажжённой свечой, и матёрый бандит, и отец большого семейства или просто заблудшая душа. Так и я, вспоминая что-то важное о себе, стою перед Ней со своим рассказом.

1

Всё это случилось из-за голода.

Утро в офисе сложилось неожиданно напряжённым, и предстояло ещё достаточно серьёзно поработать во второй половине дня, хотелось не просто перекусить, а сытно пообедать. Недалеко от офиса находилось неплохое кафе с бизнес-ланчами, и иногда сотрудники фирмы позволяли себе в него заходить, потому я долго не думал о том, где можно было бы пообедать.

На удивление в кафе находилось много посетителей. Казалось, люди заполнили своими телами не только кафе. Мимо меня по улице проходили жующие что-то прохожие, отдельные из них со стаканчиками напитков, откупоренными бутылками, с какой-то снедью в руках,

словно, весь город оголодал, и его жители стремились насытить свои желудки. В помещении заведения слышалось позвякивание столовых прибор, жевали и негромко переговаривались сидящие за столиками посетители, или они молчали, глядя мимо себя, в том числе, и мимо опустевших перед ними столовых приборов. Запахи еды, печать следов табачного дыма, ароматов духов и одеколонов, напитков, тёплого сытного помещения – всё вместе, перемешанные и настоянные на пока жарком южном солнце, накрывали собой кафе, создавая ту особую атмосферу, которая присуща только таким заведениям, которая уютна и любима. Хотелось мяса, овощей, но не первых блюд. Хотелось почувствовать сочность пищи, чтобы её нужно было жевать, набивая рот, и ощущать во рту жар, нежность прожаренного мяса и особый его вкус с соусом. Я сделал заказ, и вскоре принесли жаркое, запечённые овощи, летний овощной салат и прочую мелкоту, и не капли спиртного. Искушение соблазняло, но ни капли вина перед ожидаемой работой. Быстрота обслуживания выглядела так, словно еду заранее приготовили и только ждали меня, чтобы смог сразу же приступить к трапезе. Я так увлёкся пищей, что не заметил, когда она подошла к столику.

– За ваш столик можно присесть? – услышал женский голос.

– Да, конечно, – по привычке вежливо ответил я, мельком взглянув на молодую женщину. Затем взгляд вернулся. Её светло-русые волосы на фоне белизны одежды смотрелись мягким сиянием, а золотистый цвет волос шёл к нежному овалу лица. Мои глаза, не отвлекаясь на одежду, непроизвольно тянулись к мерцавшим на ней украшениям, возможно, из-за обилия исходящего от них света. Золото на фоне белизны в ясный день обладает матовым отливом. Вспыхивал не металлический блеск, что случается под прямыми лучами солнца или сильным искусственным освещением, а возникало лёгкое свечение благородного металла. Золотая цепочка на шее привлекала к себе внимание, и оставалось не понятно, что притягивало к себе взгляд – то ли цепочка, то ли красота шеи, а может матовость кожи. Только алмазы, а может стекло бижутерии, я и сейчас не знаю, какие украшения тогда на ней были, играли бликами в ушах, а на груди вспышки света посылала небольшая брошь, можно было даже не смотреть на руки, чтобы догадаться, что на пальцах играют огнём камни. Ясную голубизну глаз её тоже можно было отнести к отблескам драгоценных камней. Молодая женщина выглядела необычайно красивой.

Не следовало столь неприлично долго на неё смотреть, и я, сделав усилие, опустил глаза к своей тарелке и стал накалывать на вилку несчастный овощ. Как-то всё невпопад, подумал я тогда. Помню, что не сразу, но отчётливо, вроде далёкого, слабо различимого унылого голоса появилась досадная мысль, что такая встреча в обычный обеденный перерыв совсем не к месту. И лёгкой тенью тут же возник вопрос-ответ: и почему такая встреча не произошла вечером, пусть и вчера, возможно, она могла произойти не в этой харчевне, а в куда лучшем месте. И пускай с такой красавицей не удалось бы завязать знакомство, но парами слов обязательно перекинулся бы, и мы бы расстались, как часто бывает в большом городе со случайными встречными, и я хранил бы какое-то время приятное воспоминание о необычной мимолётной женщине. Вот и всё, но приятно и тепло. Я стал быстро доедать остатки обеда, настраиваясь мыслями на работу, продумывая, что необходимо сделать в первую очередь, что отложить на потом, и уже собирался отодвигать приборы, вытирать руки, намеривался сделать последний приятный глоток холодной минералки и с довольной сытостью отправиться на фирму, сразу забыв о неземной красавице, подобно лёгкому сну. И тут из моего внутреннего мира меня снова вывел её голос, и мне пришлось снова на неё посмотреть.

– А знаете, мы немного знакомы, – сказала она, я удивлённо на неё взглянул. – Не то, чтобы совсем знакомы, а встречались в офисе.

Ещё большее удивление охватило меня. Видимо, мои приподнятые брови её позабавили, и она улыбнулась.

– Вы работаете на фирме моего отца, – произнесла она. – Я иногда к нему захожу, и пару раз видела вас.

После небольшой паузы я ответил.

– Не знал, что у Виктора Степановича такая красивая дочь.

– А-а, вы догадались, что я его дочь?

– Ну, после ваших слов – естественно догадаться, с кем я сидел за одним столиком... Может вам заказать кофе?

Уже как бы по привычке я попытался продлить встречу и мягко завязать знакомство, но она ответила:

– Кофе мы сможем выпить и в офисе. Перерыв, видимо, закончился и вам уже пора быть на рабочем месте?

– Да, пора. Как говориться, труба зовёт, – выдал я, и почувствовал, как складка от произнесённой банальности, непроизвольно легка у меня между бровями.

– Тогда нам пора на рабочее место, – произнесла она мягко с улыбкой, и продолжила, – пить кофе.

И за чем она улыбается, подумалось тогда под звуки отодвигаемых стульев, у меня появилось внутреннее ощущение, что словно вглядываюсь в воду. Она первая направилась к дверям выхода, за ней я в тишине сосредоточенности, недоставало лишь крика, чтобы сорвались камни и полетели по уступам, так хрупка была тишина внутри меня. Вот так произошла наша первая встреча.

Прошло время, но меня никогда не покидала мысль, чувство чего-то смутного внутри себя, что не только наше знакомство, а сама встреча – не случайны, что она явилась предопределённостью, наступающей так же, как жизнь и смерть – неизбежно. Такое особое странное чувство, подобное нашей вере в то, что к нам придёт любовь, или мысли юности о долгой, чуть ли вечной, счастливой жизни.

Мы действительно пили в офисе кофе. Сначала я предложил ей зайти в наш отдел, она не сразу согласилась и говорила, что в приёмной у её отца отличный кофе и там можно попить. Мы народ попроще, отвечал я, и пьём на работе растворимый кофе, но очень даже неплохой, можно попробовать, если не понравится, всегда можно вернуться к натуральному, и вообще, надо признаться откровенно, пить кофе в близости от начальства, да ещё в рабочее время – согласитесь, не самое лучшее решение. Она улыбалась. Работа оказалась немного скомкана, но всё прошло замечательно, и ребята от такой женщины пребывали в восторге, я тоже.

Однажды она появилась в офисе, и невзначай мы снова увиделись. Потом ещё, и её улыбка легко перевела наши отношения в дружеские встречи.

Меня смущали её глаза. И завораживали. Бездна голубизны отсвечивала такой чистотой, что трудно поверить в реальность подобных глаз, своим цветом зависших, казалось, между небом и океаном. Стоило только на миг отдаться их красоте, и сердце тут же мягко растворялось в груди, и разум заволакивало, лицо растягивалось в улыбке, а потом и время, казалось, останавливалось для меня. Но стоило пройти наваждению, остаться наедине с собой, вспомнились в том числе и редкий холод её глаз, и тогда внутри возникало непонятное прикосновение. Пояс её колдовства от встречи к встрече с ней затягивал меня сильнее и сильнее, но ещё полностью не завязал в узел бездыханности, и разумность оставалась пока со мной, чтобы думать и мыслить.

Роман, если ему суждено было состояться, не успевал развиваться. Мысли сами по себе, в какой-то отстранённости от меня, двигались, замедлялись от напряжённости, жили, чего-то искали, потом исчезали и снова появлялись, а вот без них я уже заполнялся внутренней радостью от того, что нахожусь рядом с такой безумно красивой и необычной женщиной. Но мысли снова возвращались – сказывался мой опыт отношений с малознакомыми людьми, когда разумность слов и действий нас неизбежно сопровождают. А ещё я не перешёл очень тон-

кую грань, ту грань, которая не позволяла бы смотреть на вещи со стороны и оценивать происходившее отстранённо, не наступил момент, когда полностью отдался чувствам. Её большие, сумасшедше восхитительные глаза смотрели на меня прямо, но без растущего от новых встреч доверия или нарастающей преданности, или просто обыкновенной теплоты, что бывает у увлечённых женщин, и мне мерещилось, что слова о неразрывности любви и боли, а может и крови, не достояние прошлого, не тема шлягеров, а вот сидящая передо мной реальность. Трезвость ума и даже лёгкий цинизм, приличные для мужчины, не всем приятно видеть у женщин. Однажды я не выдержал и пошутил:

– Ты подобна морю, пропаханному мечом!

Она будто слегка вздрогнула, или мне показалось, а затем в её взгляде появилось столько внимания, что мне стало на миг нехорошо. Была какая-то странность во всём произошедшем. Желание блеснуть эрудицией из древности греков обернулись тенями, пробежавшими по лицам.

С этого момента я следил за её глазами, постоянно, иногда прямо всматривался в них, иногда со стороны косился из далека, хотя, что можно увидеть на расстоянии? У меня начало постепенно возникать внутреннее напряжение при встрече с ней, ничего доброго не предвещавшего в отношениях между женщиной и женщиной. Она же оставалась мила, улыбчива, хороша. Сразу, в одну из первых встреч, мне стало ясно как белый день, что она доминирует в наших отношениях, соблазняя меня, причём, для меня неприятно. У неё была не лёгкость кокетства, либо проявление природной женственности, и тем более не жеманство. Это трудно объяснить, но многие мужчины знают, о чём идёт речь. «Она бесстыдна!» – неожиданно произнёс я себе. Простая и очевидная в своей простоте мысль о её непристойности поразила меня и начинала внутренне отталкивать от неё. Меня тогда пронзила догадка, что именно вот такое её отношение ко мне и не позволяло сделать последний шаг ей навстречу.

Затянувшуюся паузу в отношениях чувствовала и она. И вот однажды, при очередной встрече, когда мы сидели в ресторане, она мягко сказала.

– Ты не принёс мне цветы, и в тот раз тоже, а девушки любят, когда им преподносят цветы.

– Извини, в следующий раз принесу, – моё глупое «извини» и особенно «принесу» прозвучало первым аккордом.

– Если для тебя такой мелкий знак внимания не очевиден, что можно ожидать потом, – прозвучал её голос вопросом.

И вдруг, у меня не оказалось сил отшутиться или что-то сказать подобающее такой минуте. Опустилась тягостная, как для меня, тишина. Она отвела взгляд, рассматривая всякие безделицы вокруг, оставляя меня наедине со своим молчанием. Она владела ситуацией и «вела партию», так мы говорили на своём сленге относительно переговоров с партнёрами. Подобное меня начинало злить – нить наших отношений постоянно оставалась у неё.

– Давай выпьем, – бархатно произнёс я, разливая красное вино по бокалам. Она ответила улыбкой. – Знаешь, сколько я с тобой знаком, не перестаю удивляться. Как ты можешь так хорошо выглядеть!

– Хорошо? – лёгкая улыбка светилась у неё на лице. – Просто хорошо? И не больше?

– Ты красива, спору нет!

– Свет мой, зеркальце, скажи, – продолжила она пушкинскую строфу, и произнесла далее. – Так я красива?

– Да.

– А я думала, что ты меня не считаешь красивой.

– Как ты такое могла подумать, только слепец не может видеть ...

– А почему ты тогда ко мне холоден, подобно снежинке, – помимо улыбки какие-то сфинги у неё запрыгали в глазах.

– Почему холоден, – стал оправдываться я, – как все.

– Как все?

– Не смущай меня, – я натягивал на лицо подобие улыбки.

– У тебя никогда не было женщины, что ты так смущаешься? – мои расширившиеся глаза стали ей ответом. – Тогда откуда такая неуверенность и холодность?

Хотелось что-то такое невразумительное промычать, точно мальчишка, и отдаться этой женщине, её пьянящей красоте, о всём позабыв, и пропасть в волнах счастья, пусть лишь на миг, но вышло иначе.

– Почему неуверенность, наоборот, уверенность, – начинала ко мне приходиться жёсткость, – мне хочется, чтобы было всё хорошо.

Так впервые наступило охлаждение в наших отношениях, если быть более точным, начало моего постоянно нарастающей прохлады к ней, прерываемой лишь на миг её волшебством, в котором временами тонул при встречах. Но ведь потом выныривал, с всё более трезвой и холодной головой. Напряжение в отношениях нарастало, чувствовалось, что и она делалась другой, всё суше, молчаливее.

Прошло некоторое время после памятного разговора, и в один из обычных дней Главный неожиданно вызвал меня в свой кабинет. Я не знал, в чём заключалась причина вызова, только проходя в его кабинет, мельком заметил неподвижно устремлённый на меня взгляд секретарши, – что-то случилось нехорошее, может и для меня, мелькнула тогда быстрая мысль.

Шеф сидел за столом, изображая из себя мрачную тучу. И внезапно.

– Я тебе ноги переломаю, гнида! – с ярость выплюнул он мне навстречу слова, и затем закричал на всю силу своих лёгких. – Чтобы не подходил к моей дочери! Я сделаю так, что тебя не возьмут не в одну порядочную организацию! Ни один порядочный человек не захочет иметь с тобой дело. Ты будешь продавать рыбу на рынке вшивого городишки!

Туча оказалась реальностью. Выслушивать оскорбление – не для меня. Я развернулся, и сдерживая эмоции, с некоторой медлительностью направился к двери.

– Уволен! – кричал он мне в спину, – сегодня же уволю. Сейчас же... Пошёл вон!

Краем глаза увидел бросок Виктор Степанович всем телом к внутреннему телефону. Когда я закрывал за собой вторую дверь, услышал его далёкий крик: «По какой статье? По статье – сучий сын». «Дочь твоя, сучка» – почему-то хотелось мне ему ответить пронёсшейся в голове неожиданной вспышкой

Всё происходящее оказалось для меня полной внезапностью, мрак заволок меня и воцарился в душе. «Как так? – только и крутилась в голове мысль, – что случилось?». Сходя по лестнице, погружённый в свои думы и не придя ещё в сознание от удара, не так поставил ступню на ступеньку и подвернул ногу, чуть не упав. Хромая, поплёлся вон через двери офиса, в отдел идти не хотелось совершенно...

А улица жила своей будничной жизнью. Народ шагал по пешеходным дорожкам, машины катили по проезжей части, светило солнце в ясном небе и ничего не говорило о неприятностях, даже наоборот, в таком мире хотелось жить, плескаться в пока тёплых солнечных лучах города перед неизбежными в недалёком будущем холодами и слякотью, но только не мне. Произошедшее в кабинете шефа озадачило, до состояния внутренней немоты, я брёл по улице и не понимал, что за муха его укусила, и муха ли, по эмоциям выходило, что целый рой оводов искусал Главного, и зараза чумы бешенства приникла ему в кровь. Сорок уколов в живот, лишь сорок уколов могли его спасти, нашего царька! Но мне становилось с каждой минутой всё больше не до смеха. Из всего случившегося вытекало, что произошло нечто нетривиальное, и для меня, видимо, наступил конец, полный, как тот северный зверёк. И внутри зануло.

Я шёл, собираясь с мыслями. Необходимо выяснить причину гнева, напрягал я свой мозг, а для этого потребуется время, наконец сложилась в завершённую форму подобие суждения. Известие о неожиданном скандале, который произошёл со мной, должно разнестись

по фирме, обрасти слухами, быть пережёвано и растолковано офисным планктоном, и только потом можно всё узнать. У меня появилось время. Что с ним делать? Становилось всё тяжелее идти по городу чернея тени, и потому опустился на лавочку бульвара, и сразу сделалось легче, такое бывает у стариков после затянувшейся прогулки, когда они приседают после пешех нагузок, и тело у них вместе с приливом воздуха начинает постепенно оттаивать. Обыденная жизнь текла мимо меня, только её не замечалось. Грусть и печаль обняли меня за плечи, положив свои головы на них с обеих сторон. Удручённость поселилась внутри, и вот уже лёгкая апатия обмяло тело и мысли – это меланхолия пришла ко мне, печально вздохнув за спиной. Плечи обмякли, спина согнулась и глаза увидели, вот, в кои времена, носки моих собственных туфель.

Это был удар, сильный удар. Так просто и неожиданно, словно машиной переехали на светофоре – никто здесь не ожидает наезда, а затем следует удар, он приходится всегда вдруг, и ломает хребет. И всё. Жизнь как таковая закончилась.

Я сидел на лавочке бульвара. Тени от листвы шевелились возле скамейки – это лёгкий ветерок играл вверху с кроной деревьев, а внизу водились за руки свет и покой, мои же руки безвольно лежали на коленях. Где-то там наверху скрывалось солнце затухающей ранней осени, и на листьях нежились первые её робкие поцелуи, время страсти которых ещё не пришло. Я был раздавлен, повержен и не мог действовать.

На работу в холдинг я устроился после завершения учёбы в университете. Тогда ещё о холдинге никто знать не знал, а существовала небольшая фирма, аффилированная с нашим заводом сельхозтехники, в итоге фирма и подмяла его под себя, начав свой взлёт. Из-за ограниченности штата фирме требовался не просто механистический переводчик с немецкого, а нечто большее – парень, умеющий поддерживать общий разговор с клиентами, коммуникабельный и приятный в общении, способный заниматься не только переводами текстов, но и текущим сопровождением разного рода бумаг вместе с ответственными за них, или просто присутствовать в составе группы специалистов в качестве переводчика. Историческое образование с высокой степенью эрудиции являлось находкой для фирмы, правда, никто об этом тогда мне не говорил, как обычно бывает на собеседовании, когда традиционно умалчивается самое важное. Подобное понимание пришло со временем. Мне поставили условие подтянуть язык до обыденно-беглого, что достигалось практикой и временем, дополнительным бонусом для них оказалось моё слабенькое знание английского. Важнейшее условие состояло в том, что немецкий следовало освоить до беглого за полгода, благо, поездки в Германию обещали, а также сказали, чтобы занялся изучением английского. Условия выглядели вполне приемлемыми и справедливыми, от меня требовались всего-навсего прилежание и труд, и труд сделал своё дело.

Частые поездки в качестве переводчика с главой фирмы Виктором Степановичем, которого за глаза все звали Главным, к моему удивлению, чаще требовали использование английского, чем немецкого, но к счастью, на самом простом бытовом уровне. Поездки позволили ближе познакомиться с Виктором Степановичем, проявить себя, и уже через год мне стали поручать более серьёзные дела, чем просто исполнять функции переводчика на встречах и заниматься документами служебно-технического характера. Фирма стремительно развивалась. По мере обретения ею устойчивости, образовали отдельную группу переводчиков, и что важно, в неё включили юриста-международника. Вполне логично вскорости нас преобразовали в самостоятельный отдел, вот я его и возглавил, вслед за чем моё положение резко упрочилось в иерархии фирмы. Стремительная карьера, подогретая дефолтом 1998 г., а мне не было и тридцати лет! Виктор Степанович, что со временем выяснялось, оказался не просто предпринимателем, а воротилой. Уход под него нескольких бывших советских машиностроительных заводов свидетельствовал о серьёзности самой фирмы и его главы, за которым стояли нешуточные силы и очень влиятельные люди. Московские каналы позволяли получать кредиты и

поддержку с самого верха, превращая компанию в мощный промышленный холдинг с неограниченными возможностями на внутреннем рынке. Сельскохозяйственное машиностроение не просто сохранили, пусть и в урезанном виде, но рассчитывали вывести на мировой рынок, сначала на европейский, где Германии отдавался приоритет. Пока выход на внешние рынки ещё казался многим фантастикой, но тенденция наметилась, вроде неумолимо восходящего тренда.

Виктор Степанович выделял меня среди многих, даже не потому, что ценил за профессионализм и аккуратность – таковых всегда достаточно по мере развития бизнеса и начисляемых высоких бонусов, – я вошёл в его круг подчинённых, на которых он опирался и мог довериться по тому или иному вопросу. То, что традиционно называется «вхождение в свой круг», пусть и не ближний, но всё же в ограниченное количество доверенных лиц. С учётом амбициозных планов фирмы по созданию крупного холдинга, мои перспективы на будущее выглядели невероятными. Дух захватывало, когда я начинал думать о возможности превратиться в крупного менеджера. Такое осознание возможностей карьеры подстёгивало, заставляло напрягаться и проявлять рвение, работать без усталости и контролировать себя во всём, особенно того, что касалось личных отношений с боссом. И вот, сегодняшний ужас! Что могло случиться? Навязчивая мысль меня точила и не уходила.

Взгляд скользнул по окружающему. Стояли дома, высились деревья, виднелись припаркованные машины, прогуливающиеся по бульвару люди. Рядом делали гули-гули голуби, но они не купались в лужах, что остались местами на бульварных дорожках после обильного утреннего полива.

2

Ломалась жизнь. Тот трудный выбор после окончания университета, когда передо мной встал вопрос о будущем, дался болью. Придя на истфак по призванию, мечтая о том, чтобы стать историком, занимаясь научной работой с первых курсов, я видел свою будущность в науке. Пришлось приложить внутренние усилия, чтобы заставить себя бросить любимое дело и изменить свою жизнь. К новой работе в фирме сначала не просматривалось никакой любви, она просто затянула в себя. Уже в процессе работы появился интерес, затем азарт, и пребывание в фирме с её динамизмом и размахом пришлось по вкусу и со временем мыслилась вполне собой разумеющейся для меня формой существования, а я просто хорошо делал своё дело. Постепенно увлечённость от всего происходящего, несомненно, интересная и творческая по своему духу работа, привели к тому, что мне начинало нравиться в фирме, и незаметно для себя начал получать удовольствие от работы. И вот итог.

Вспоминалась моя первая археологическая экспедиция на истфаке, сначала не впечатлившая меня. После первого курса всех студентов исторического факультета в обязательном порядке направляли на археологическую практику. Мы попали на раскопки поселения раннего металла. Нарезанные квадраты земли два на два метра по всей площади поселения, жгучее солнце и невыносимая южная жара, когда уже после десяти утра становится почти невозможно махать лопатой на раскопе, невыразительные находки в виде обломков сосудов, кремня, фрагменты костей животных – всё это детям асфальта давалось тяжело и выглядело малоинтересным. Куда больше пришлась по душе и надолго запомнилась наше житьё-бытьё в экспедиции после раскопа.

Тебе буквально неполных восемнадцать лет, ты впервые оказался вдали от условий города, твои дни и недели проходили на природе, жизнь в палатке, еда, состоящая из простых каш и супов, и в виде небольшого праздника живота порой появлялся борщ, дежурство на кухне с первым опытом готовки пищи на живом огне, о чём раньше мы не имели представления. И свобода от контроля взрослых. И, конечно, знаменитая лошадь по кличке Дружок! Мы

тогда, думаю, почти все без исключения, впервые в своей жизни соприкоснулись так близко с лошадьё. Из-за безденежья и нищеты начала 90-х руководители экспедиции организовали через сельсовет завоз воды на бричке, запряжённой лошадьё. Появление лошади в лагере в первые дни экспедиции вызывало фурор. Все, кто находился в лагере, собирались возле невиданного, так близко стоявшего зверя, с его запахом, роем мух, мелким поддрагивание крупа от укусов насекомых, тёплой кожей, всей непонятной сбруей, косящими глазами на наши прикосновения и поглаживания. Девчонки подсовывали Дружку конфеты-леденцы, которые тот сначала обнюхивал, а затем с удовольствием хрумал, вызывая наш восторг от хруста конфет и от мягких лошадиных губ, касавшихся раскрытых ладоней, с которых забирались сладости. И, конечно же, привезённая свежая вода из колодца, холодная, вкусная, лучше всяких магазинных минералок.

Впервые, если признаться, мы жили по-взрослому – предоставленные сами себе, не считая общие наставления наших руководителей экспедиции. Всё происходившее с нами не просто вызывало у нас восторг и кучу новых эмоций и ощущений, нами овладело состояние, сравнимое с лёгким опьянением, всегда пребывавшее с нами, как тот Париж с его вечным праздником. Юность, попавшая в новый фантастический мир! Посиделки возле костра, лёгкий флирт с девушками, и что приносило огромный кайф – возвращение с работы, когда впереди после раскопа у тебя почти целый день свободы. Ты идёшь с раскопок к лагерю усталый и пылающий от зноя, и вот бросок в реку, когда вода смыкается над головой, и ты физически чувствуешь, как совершенно нестерпимый жар во всём теле покидает тебя, и ты вновь возрождаешься к жизни. После раскопа пробежаться прыгучим подскоком и прыгнуть в речку, в полёте рассекая воздушный поток – чем не счастье. Тогда я ещё не знал, что такое настоящая жара, сопоставимая с пеклом, пока не побывал на раскопках кургана в глухой степи, без лужи хоть какого-то водоёма, но это было потом.

Некоторые моменты тогдашней первой экспедиции сейчас вспоминаются с улыбкой. Хотя бы выгрузка с автобуса и постанова лагера.

Впервые студенты ставили палатки, раньше ими в жизни не виданные. Повсеместно над местом будущего лагеря растекалась детская беспомощность с развёрнутым брезентом в руках, только в отдалённости взрослые устраивали хозяйственные палатки и занимались продуктами, оборудованием. До моего приезда в экспедицию, я где-то читал о том, каким образом герои повествования, – не то повести, не то рассказа, – устанавливали палатки. В своём подростковом возрасте мы просто поглощали огромное количество книг. Мир познавался через книги. Из некоторых запоминались бытовые подробности, например, способ распалить в заснеженной тайге костёр и устроить место ночлега, чтобы не замёрзнуть. Для ребёнка, выросшего в огромном городе, тем более на юге страны, такая тяга к неожиданным вещам оставалась непонятна взрослым, но для детей, мечтающих о путешествиях, приключениях, вызывало обратное непонимание – почему взрослые не хотят знать такие важные вещи, которые обязательно пригодятся в жизни. Жюль Верн был тому подтверждением. А «Затерянный мир» Конан Дойла. Вот так у меня отложилась в уголках памяти сценка установка литературными героями палатки. Первое что сделал, разматывая брезентовый куль, с серьёзным видом задал своим новыми друзьям, с которым буду потом жить почти месяц бок о бок, вопрос, где здесь альпеля. Новое для них слово повергло их в уныние. С деловым видом, молча, разобрал трубки, оказавшиеся в середине свёрнутого брезента, вставил их друг в друга, и вот появились две стойки. Стало понятно, что всё делаю верно. Нужно завести альпеля вовнутрь палатки, уже почти командовал я. Расстелив палатку на земле, одному из «балбесов» показал, куда вставлять альпель, и послал его вовнутрь брезентовой духоты для установки будущей стойки, второй же сам поставил у входа. Далее растянули центральные растяжки, забили кольшки обухом топора – какие там молотки!, – и привязали к ним растяжки, потом наступил черёд боковых веревок. И, невероятно, палатка встала. Я находился в приподнятом настроении, довольный собой, но не показы-

вал вида, остальные были слегка подавлены моим авторитетом. «Почему не прибили дно?», раздался у меня за спиной голос Владимира Петровича, нашего любимого преподавателя. Мне оставалось быстро сориентироваться и ответить, что сейчас сделаем. «Сначала прибивается дно, потом ставится палатка», бросил он на ходу, направляясь к соседней беспомощной группе юношей без горящего взора. Я утвердительно кивнул головой с понимающим видом, мол, всё же очевидно, быстро взял топор и по периметру забил колышки, насадив на них петли. Вот и всё. По праву строителя, первым проник в наш будущий дом и выбрал себе место, бросив туда свои вещи. Потом взял топор и уже с полным знанием правил установки палатки, отправился к девчонкам, которые возились с брезентом. И вот палатка для девочек идеально стояла на своём месте. И в качестве последней, самой-самой высокой ноты наших отношений, я нашёл лопату и вокруг палатки прорыл канавки куда бы стекала дождевая вода, не заливая её из-под дна, вдруг, ливанёт ливень. Не знаю, как у кого, а у меня выдался прекрасный день, девчонки смотрели на меня с восхищением, пусть у некоторых и слегка скрытым, были и те, кто напускал на себя равнодушие и серьёзность, а имелись и вправду равнодушные. «То-то, басота», – ухмылялся я, посматривая на пацанов.

В памяти осталась первая ночь в брезентовом домике, непривычная жёсткость земли, если не считать матерчатого дна и старого спальника, подстеленного под новый, в котором очутился впервые в жизни. Ночь прошла с ощущением насторожённости от новых звуков и запахов. Запахи, в принципе отсутствующие в городе и окутывающие тебя сразу после выхода из автобуса, заливаясь в лёгкие. И особенно, дух раскалённого брезента и особой духоты палатки от дневного солнца, когда оно добиралось сквозь деревья до крыши нашего временного пристанища и начинало его разогревать до жара печки. А до этого момента, самым-самым ранним утром, палатка заполнена прохладным воздухом, наполненным сырой свежестью, влагой росы, и ты чувствовал настоящий холод до дрожи в теле, если в столь ранний час вылезал из спальника. Стоило провести по крыше палатки пальцем, и на ней появлялся видимый след водной дорожки – настолько обильно выпадала роса утром. А перед ещё заспанными глазами открывалось чудное видение дымки тумана над рекой, которая моментально исчезает, как только выплывает солнце, и рядом у входа сочная зелень с обильной мокротой росы. В краткий миг раннего утра капельки росы наполняются светом, чтобы затем мгновенно исчезнуть. Вместе с солнцем исчезает мокрота и зябкость утра, и уже начинает обволакивать всех и всё жаром, припекало всё сильнее и сильнее. В свои права входило летнее утро.

Вначале работать на раскопе физически оказалось тяжеловато. Пока не втянулись в ритм работы и понемногу привыкли к жаре, новому распорядку дня, с его ранними побудками от звона ударов по крышке котла. В первые же дни я стёр на ладонях водянки, и перед работой наматывал бинты, и красуясь в таком виде, брал в обмотанные, можно сказать, кровавые ладони лопату и шёл на работу. Такая видимая мужественность производила впечатление на некоторых дев и раздражала пару балбесов. В общем, жизнь налаживалась.

По мере расширения раскопа и увеличения его площади возникла проблема с чертежами. Квадраты и особенно бровки зачищались лопатами до ровной, блестящей поверхности, чтобы, по словам бывалых археологов, всматриваясь в неё, можно бриться. Благодаря такой зачистке на бровках отчётливо проявлялись культурные слои, располагавшихся один над другим вплоть до самого материка. Как нам объясняли, материком назывался глинистый пласт, где отсутствовали следы деятельности человека. После всех предварительных работ профиля бровок со всеми выявленными слоями переносились на чертежи. Поскольку в экспедиции отсутствовал штатный чертёжник, среди студентов начали искать того, кто мог рисовать. И здесь пригодился мой дар к рисованию.

Первые мои вменяемые рисунки относятся ко времени, когда я ходил в детский садик, тогда впервые оценили мой талант, и по рассказам мамы, рисунки начали отправлять на различные конкурсы. Те первые детские опыты не сохранились, поэтому трудно судить насколько

они казались стоящими внимания и понять меру моего детского таланта. Единственно, сохранились рисованные мною деньги времён первых классов школы.

Детский мир улицы иногда охватывало поветрие всяческих увлечений. Неожиданно все начинали играть в пекаря, или изготавливать всякого рода самострелы и стрелять друг в друга пульками, оставлявшие после себя иногда синяки или следы на теле – удивительно, что никому не выбили глаз. Вот так внезапно в наш детский двор пришла игра в кубики, подобная в салунах дикого Запада. Ставки делали рисованными деньгами. Каждый рисовал в меру своего дарования. Существовали фавориты эрзаца художеств, которые ценились, и подобные деньги обменивались один к двух по отношению к всякого рода корявостям, выдаваемых за денежные знаки. Мои рисованные деньги пользовались популярностью. Когда уже со временем, я пересматривал всё рисованное мною и другими сохранившееся богатство, удивляло, а затем возникал вопрос, что нас так трогало вот в этих разрисованных кусках бумаги, ведь ничего такого в них нет. А тогда они казались необычными и очень ценными. Образы картинок для наших купюр мы брались из учебников и книг по истории, географии. Здесь были некие персонажи, строения или законченные сцены, вроде атаки конных крестоносцев по льду Чудского озера, взятой из старого-старого учебника истории. Ничего особенно, только раскрашенные и яркие фантики, созданные детской фантазией.

В школе тоже оценили мой талант к рисованию и советовали маме отвести меня в художественную школу, что уже отчётливо помню. Но к моему счастью, меня никуда не отвели и никому не отдали, и я со своими друзьями с удовольствием проводил дни на улице, а когда мы подросли, начались наши хождения по различным кружкам, а затем в спортивные секции. Сначала все вместе попали на станцию «Юного техника» в авиамоделирующий кружок, где мастерили планеры и простенькие самолёты, затем я перешёл в судомоделирующий кружок. И вот в нём я остался надолго, пока друзья-приятели не затащили в секцию самбо. Строить своими руками корабли оказалось увлекательно интересно. Сначала мастерили простейшей яхты из картона, пропитанного лаком, чтобы тот не раскисал на воде, затем, катера из дерева, и наконец, я взялся за стендовую модель галеона Дрейка, склеенного из тонких полос фанерита и с фанерными шпангоутами. Оказалось потрясающе интересно наблюдать каким образом постепенно из ничего, даже не настоящего дерева, а его обрезков, вдруг, возникал бесспорно корабль, хоть и в уменьшенном виде, но реальный, корабль из исчезнувшего прошлого. Способность читать чертежи, самому вычерчивать на бумаге детали судна не требовало усилий и происходило естественно просто. Аккордом в строительстве первого настоящего для меня корабля стала постановка такелажа. И почему-то легко запоминались всякие марс-реи и брам-реи, фок и грот мачты, стеньги и бушприты, переплетение вант, выглядевшее непосвящённому необъяснимой паутиной разного рода верёвок. Всё в такелаже оказывалось очень функционально и нужным. Если бы не строил стационарную модель, а действующую, то вся оснастка бы двигалась, трепетали паруса, и плыл бы по морям мой галеон. Постройка корабля оказалось захватывающим делом, подобно явлению чуда. Возникла живая реальность вещей, только с маленькими деталями модели. И вот променять такое чудо на сидение возле мольберта, что-то там изображать, тужиться, переносить всякие кувшины и яблоки на бумагу, а там ещё маячат впереди гипсовые головы. Никогда! До сегодняшнего дня я с благодарностью вспоминаю свою маму, которая таки не отвела меня в художественную школу и не лишила счастья заниматься волшебством, родом из детства. И теперь в юности, в археологической экспедиции, умение обращаться с карандашом и бумагой, чертежами мне пригодилось.

После физической работы на лопате рисование бровок приносило физическое облегчение, руки быстро зажили, а археология нежданно повернулось ко мне новой своей стороной. Здесь я познакомился с Виктором Цыплаковым, студентом нашего истфака, старшего меня на два курса, мы с ним сразу сдружились, дальше не прерывая отношения, идя вместе по жизни. После зачисток бровок Виктор деловито обсуждал с Владимиром Петровичем стратиграфию

слоёв, затем расчерчивал ножом бровки горизонтальными линиями. Моя задача заключалась в том, чтобы перенести на полевой чертёж сделанные разметки. Работа несложная, и оставалась много свободного времени, чтобы болтать и развлекаться, метая нож в уже нарисованную бровку, но посекудно высовывая голову из-за отвала, чтобы видеть, где находились руководители, и не быть застигнуты за столь кощунственным занятием. С большими расширенными глазами Виктор горячо убеждал, что, если увидят, как мы неподобающе относимся к бровкам, нам будет полный «швак». От такого шёпота хотелось немедленно играть «в ножичек», оглядываясь по сторонам. Мы тогда были юные, худые, высокие, с горящими глазами и ощущением неустойчивой радости от жизни.

Действительно меня впечатлили раскопки кургана, казалось, на всегда определившие мою судьбу. После практики Виктор собирался ехать в новую экспедицию новостроечной группы университета, я напросился, и он, переговорив с руководством, привёз меня впервые на раскопки курганов.

В новостройку мы приехали, когда раскопки одного из целой группы курганов уже начались. Что меня удивило сразу же по приезду – курганная экспедиция оказалась совершенно иной, чем наша студенческая на поселении. Она состояла всего из нескольких человек, профессиональных археологов, к которым часто прибывало несколько студентов старших курсов или коллег из других городов и организаций. Экспедиция отличалась камерностью, где все вынужденно жили достаточно тесно, вместе работая, занимаясь хозяйством и проживая почти всё лето бок о бок. Подобные экспедиции отличались сплавом профессионализма и повседневности с её хозяйственными делами, той же готовкой пищи, закупкой продуктов, со своим традициями, особым языком археологической среды, специфическими отношениями между людьми, постоянным творческим флёром и даже фольклором и песнями, особенно полюбившейся нам с Виктором «Там, за Танаис-рекой...», может потому, что в песне были слова: «акинаком исколю всю погану рожу». Для меня тогда открывался совершенно новый мир, который я никогда не видел, но интуитивно понял – моё! Мир притягательный, необычный, но бывало и отталкивавший меня, городского цивилизованного жителя, своим полудиким состоянием, бытовой простотой, граничащей с неустроенностью, сами отношений между людьми временами явно перехлёстывали условные приличия. От такой жизни развивался цинизм, ломалась та зыбкая грань, которая отделяет прагматизм и трезвый взгляд на жизнь от циничного к ней отношения.

Первый день выхода на курган остался ярким пятном в моих воспоминаниях. Поднимаясь первый раз вдоль посадки на водораздел к месту раскопок, мы с Виктором сразу увидели насыпь кургана, которая на линии горизонта высилась холмом на поле. Чем ближе мы подходили к кургану, тем большим он казался в своих размерах. Раскопки уже начались. По сторонам насыпи виднелись две небольшие кучи отвалов, а через его центр словно раскрытый зёв земли, черневший на фоне белёсой сухой стерни поля, зияла пробита траншея. Земля, вырванная из своей толщи, притягивала взор своей чернотой и первобытностью, хранившей в своём чреве нечто тревожное и неизвестное для нас, словно, заглянули за край тартара. Мы скинули вещи под репером кургана, прыгнули вниз и направились к центру траншеи. Там виднелись остатки ям нескольких раскопанных ранее погребений, от которых остались углубления с неровными рыхлыми краями. Виктор, бросив взгляд на погребения, сказал с видом знатока, что они впускные и относились к эпохе бронзы.

В отдалении, в самом начале траншеи, стоял бульдозер, возле которого возился незнакомый нам человек, а рядом стоял Сан Саныч, наш начальник экспедиции. Художница экспедиции Эльза, пришедшая вместе с нами, поднялась на вершину кургана, сложила свои вещи возле наших, затем закурила сигарету и стала посматривать в сторону бульдозера. Ещё один археолог, Толик, коллега нашего начальника экспедиции, присел под бровкой. Через какое-то время послышалось чихание, затем рокот и звук заработавшего двигателя. Сан Саныч направлялся к

нам и, уже подходя, крикнул, что сейчас пойдёт бульдозер. Виктор увлёк меня на самую верхушку кургана, где мы присели и принялись наблюдать за картиной происходящего, недалёка от нас расположилась с сигаретой в руках Эльза, тут же крутилась её собака по кличке Гуля, радостно переименованная в первый же день участниками экспедицией в Дулю. Только Сан Сан, чухая её за ухом, называл ласково Рябко, собака, действительно, своим окрасом чёрная с белыми пятнами была похожа на рябую. Гуля была настоящей археологической собакой. Стоило ей дать на раскопе команду: «Копать!» – как она тут же, резво начинала передними лапами рыть землю в траншее, пока язык не вываливался из пасти. Любой мог подойти и скомандовать на кургане «Копать!», и собака принималась рыть землю, что печалило Эльзу, смотревшую, как безропотно её любимица выполняла команды чужого человека.

Вот бульдозер, издав рык, медленно двинулся в траншею, заглубил нож и начал снимать землю. Грохочущей массой он прополз мимо нас, обдав гарью выхлопных газов, так что от горечи запершило горло, но уползающий зад бульдозера медленно увлекал вслед за собой гарь и гул машины, и дышать становилось легче. За ним неспешно шагал Сан Саныч, внимательно всматриваясь в землю, к нему присоединился Толик. Мы с Виктором с высоты бровки также внимательно всматривались в землю, но ничего особенного не видели кроме комков чёрной земли и местами отполированной поверхности, блестящей из-под ножа бульдозера. Достигнув края кургана, бульдозер развернулся и снова направился в нашу сторону, последовала новая порция гари, и грохочущая волна прошла мимо нас, затем закономерный уход в дальний конец траншеи. И снова все внимательно всматривались в землю. Сначала поверхность траншеи имела волнообразный вид – нож бульдозера «скакал» по земле, – но затем мастерство бульдозериста сделало своё дело и поверхность превратилась в ровную дорогу, без углублений и бугров. Бульдозер снимал землю буквально по двадцать-тридцать сантиметров. Равномерное движение продолжалась как раскачивающейся маятник – туда-сюда. Медленное, монотонное движение, с нарастающих рокотом двигателя, потом его затуханием, вслед за чем внезапно отчётливо доносились звуки песни жаворонка, и почти тишина звенящего зноя – настолько ярко в какой-то миг о себе заявляло затишье, чтобы исчезнуть перед новым заползанием машины в траншею. Только выхлопная гарь бульдозера развеянным шлейфом сдувалась слабым ветерком в нашу сторону, и у нас временами немного перехватывало дыхание от едкого дыма, чтобы затем лёгкие наполнились чистым горячим степным воздухом. Раз за разом нож бульдозера снимал небольшими слоями курганную насыпь, углубляя траншею. Казалось, такой монотонности не будет конца, действуя убаюкивающее на окружающих. И вдруг Сан Саныч крикнул: «Есть!», и замахал руками бульдозеру, который медленно полз в конец траншеи. Мы с Виктором мигом оказались внизу, возле руководителя экспедиции. Среди чёрных, перепаланных гусеницами кусков земли виднелись небольшие рыжие пятна. «Погребение!», бросил мне Виктор и направился за лопатами, а у меня сильнее застучало сердце.

Вместе с Виктором и Толиком я бодро взялся за лопату, чтобы откинуть землю вокруг предполагаемого погребения и выровнять поверхность. И здесь я впервые услышал, как звенит лопата, ударившись о грунт. Раздался пусть и слабый, но настоящий звон от невидимой вибрации штыка лопаты. На поселении выработалась привычка к мягкой земле, здесь же возникло такое впечатление, что я попал в асфальт. Бульдозер так уплотнил землю под своими гусеницами, что она превратилась в неподдающуюся твердь. Виктор, увидев моё замешательство, чтобы меня успокоить, сказал, что только пол штыка-штык будут твёрдыми, дальше пойдёт обычный мягкий грунт. Зачистив свой участок, я так взмок, что рубашка стала влажной от пота. Наши старшие товарищи, оставив в сторону свои лопаты, взялись за совки, ножи, смётки и начали осторожно убирать землю вокруг рыжих пятен. Я придвинулся к ним, забыв о своих потных минутах – под совками и смётками проступали на месте пятен подпрямоугольные контуры, постепенно превращаясь в тёмно-красные плахи погребения. «Перекрытие, скорее всего, срубное», – выпрямившись во весь рост, произнёс Сан Саныч. Мы с Виктором заме-

нили его и Толика на расчистке погребения. Впервые столкнувшись с древним захоронением, я с осторожностью очищал от земли дерево, которому было более трёх тысяч лет. Посматривая на своего друга, эдак он ловко управлялся ножом, смёткой и щёткой, заметал землю в совок и отбрасывал в сторону, я повторял за ним все его приёмы. Увлечённый и совершенно поглощённый новым для себя делом не замечал усталости, и только, подобно Сан Санычу, выпрямившись почувствовал, насколько затекли ноги и ноет спина, тут же застучала кровь в висках, и жара показалась невыносимой. Поискав глазами рюкзак с водой, нашёл его возле бровки. Присев под бровку в поисках тени, чувствуя, казалось, не только спиной, но всем телом свежесть сырой земли, вбирая вместе с запахом и её прохладу, с жадностью сделал два глотка. По опыту зная, что больше пить воды не стоит, оторвал губы от горлышка. Виктор, тоже уставший, примостился возле меня, вытянув с облегчением ноги, взял у меня баклажку с водой, хлебнул.

– Что теперь? – спросив я, кивнув на почти дочищенное перекрытие. Он ещё отпил воды из бутылки, и произнёс.

– Сейчас сфотографируют, зарисуют, затем снимем дерево и будем расчищать само погребение.

Нечто новое ждало меня впереди, пробуждая интерес и возвращая задор. А пока старшие товарищи в чистовую заметали перекрытие и готовили для фотографирования участок возле оконтуренных плах перекрытия. На краю кургана тихо урчал бульдозер, сам же бульдозерист, только сейчас я его заметил, находился среди нас, и, присев на корточки тоже под бровкой, с интересом наблюдал за происходящим. Для него, видимо, как и для меня, всё было в новинку.

Вслед за фотографированием последовала зарисовка перекрытия погребения. Плахи осторожно разобрали, упаковав в пакеты наибольшие куски дерева для последующих анализов. Последовала новая зачистка участка. С трудом в земле удалось проследить контуры погребальной ямы. И вот здесь началось самое сложное. Яма оказалась относительно небольшой, и её заполнение приходилось выбирать по краям контура ножами и подчищая дно специальными тяпочками, буквально по несколько сантиметров ровными слоями. И так всё ниже и ниже, углубляясь в грунт. Крупному человеку с трудно удавалось разместиться в такой яме и долгое время в ней находиться, и мы меняли друг друга на расчистке. Наконец, нож зацепился за венчик сосуда, а затем ниже пошли кости человека. После зачистки горшка и костей стало понятно, что нашли впускное погребение срубной культуры, как и предполагал Сан Саныч. Впервые я видел перед собой оголённый костяк человека возрастом несколько тысяч лет. Когда-то он жил, затем умер, столь давно, что трудно себе представить в рамках нашей жизни, и вот его останки перед нашим взором. Не знаю, как кто, а я смотрел на него с грустью и даже замешательством, которое возникает, когда видишь не должное явиться перед нашими глазами, и вот оно перед тобой во всей своей обнажённой беспомощности, словно, бездна его глазниц с тобой говорит. Я отвернулся.

Оставив погребения Эльзе и Сан Санычу, мы с Виктором могли свободно выдохнуть и попытаться спастись на время от жары под бровкой. Но не на долго.

– Ну что, забьём вторую траншею, – бодро произнёс Сан Саныч, проходя мимо нас.

Он подошёл к недалёко сидевшему бульдозеристу, они о чём-то поговорили и направились к стоящей на отвале бурчащей машине. Бульдозер через мгновение развернулся, привычно пыхнув столбом чёрного дыма, и двинулся ближе к центру. Наш начальник экспедиции движением рук подсказывал куда двигаться. Мы наблюдали как недалеко от центра опустился нож бульдозера, машина издала рычание, упёршись в целину и медленно начал поднимать пласт земли со стерней. Гремя железом и чадя дымом, бульдозер прополз недалеко от нас. Сосредоточенный Сан Саныч подошёл к нам в центральной части кургана и закурил сигарету. Разворот, и новый заход бульдозера. Снова пласты земли отваливались к нашим ногам. Потом ещё заходы, постепенно вторая будущая траншея начала прорисовываться своими контурами.

Было видно, как Сан Саныча охватило оживление, он перешёл в траншею, рассматривая землю, и привычно начал ходить за бульдозером. Виктор дёрнул меня за рукав.

– Пошли за лопатами!

И вот с лопатами оба стоим в центре кургана.

– Будем отбрасывать землю в траншею! – крикнул Виктор, когда бульдозер подъехал к нам.

В траншею, так в траншею. Оказалось, что мы освобождали будущую бровку от земли, местами подчищая её верхний край от рваных кусков земли со стернёй. Время шло, и постепенно начал хорошо просматриваться чёрный жирный зёв новой траншеи, которая шла параллельно старой. Я окинул общую картину раскопок. «Красиво!» – с приподнятым настроением крикнул я, заглушая шум бульдозера. Виктор молча кивнул в знак согласия. Разрезанный двумя траншеями, с чётко обозначенной центральной бровкой, курган представлял собой величественное зрелище. Чем он больше имел размеры, тем более высокими оказывались бровки, которых могло быть и три и пять, и тем грандиознее выглядел курган. На его фоне человек со своими малыми размерами терялся, только подчёркивая огромность труда людей прошлого, создавших без всякой техники земляные степные пирамиды. И всё в память о умершем человеке. Когда в конце раскопок бровки одну за другой начинал валить бульдозер, оставалась одна центральная – самая высокая, ждавшая своего часа. Она на фоне неба казалась воротами, отделявшими пределы тьмы траншей от яркого светлого неба, а ранним утром через бровку выплывало солнце, а вечером – за ней оно исчезала. Возникало странное зрелище при заходе солнца, заставлявшее замирать сердце и останавливаться мыслям, под звон кузнечиков. А пока, Сан Саныч замахал руками с криком, что в траншее проявилось погребение. Ждала новая работа нас и Эльзу с Толиком.

Всеми чертежами кургана занималась Эльза, маленькая женщина в сопровождении своей собаки породы русского спаниеля. Я с интересом наблюдал процесс зарисовки плах и контуров ям, погребений, каким образом делались привязки к реперу, как давались глубины, затем сам процесс рисования. Всё было ново и увлекательно. Эльза оказалась коммуникабельным и отзывчивым человеком, и я легко с ней нашёл общий язык, запоминая навыки черчения курганов. Сан Саныч постоянно просматривал чертежи, оформленные Эльзой, обсуждая с ней детали, и я с интересом вслушивался в их разговоры. Эльза относилась к профессиональным археологам, специализируясь на сарматских древностях, и имела публикации в научных изданиях, ей приходилось ранее самой вести курганы. Будучи хорошими друзьями с Сан Санычем, она на протяжении нескольких последних лет приезжала к нему на раскопки курганов из Питера. Вечером, когда все немного отдохнули от дневной жары и работы, а солнце уже упало за горизонт, я приходил к её палатке, где она доводила чертежи. Чертежи лежали на раскладном столе под светом мощной лампы, с кружащими вокруг неё мошками, она же с сигаретой в руке склонилась над столом, её собака лежала тут же рядом. Когда я подходил, обе поднимали головы и встречали меня взглядами, затем Эльза предлагала кофе. Будучи заядлой любительницей кофе, она постоянно его пила и угощала окружающих. Часто бывало неловко пить предлагаемый кофе, зная её пристрастие к напитку. Проблема заключалась в том, что у неё имелись свои любимые сорта, которые она привозила с собой, и окончание запасом могло вызвать у неё внутреннюю истерику. Сан Саныч в один из вечеров у костра с усмешкой рассказывал один случай, когда Эльза собиралась уезжать из экспедиции, обнаружив что её запасы кофе почти истощились. Тогда ему пришлось самому ехать в город искать тот особый единственный сорт, только бы Эльза осталась в экспедиции. Вот эта маленькая, не блещущая красотой женщина и ввела меня в мир сарматских древностей. Увлекла катафрактариями, первыми рыцарями степей, своими рассказами о племенах роксоланов, в имени которых слышась Рось, Русь, судьбами алан, некоторых из них занесённых историческими судьбами на Британские острова, гипотезой о происхождении рыцарского цикла о короле Артура из сарматского эпоса. Тогда

впервые услышал имя Жоржа Дюмезиля, узнал об осетинском нартском, или иначе нартовском, эпосе и героической судьбе осетинского народа, потомков иранских степняков. А ещё у неё был томик с таинственным романом великого русского писателя, того романа, который был в те десятилетия центром внимания читающей публики, о нём говорили, спорили, им восхищались или ругали верующие. Мы с ней долго поддерживали дружеские отношения, пока после смерти матери брат не перевёз Эльзу к себе в Израиль, как она не сопротивлялась. До её отъезда, бывая в Питере по делам фирмы, я всегда заезжал к ней в гости, нагруженный тортом, конфетами и неизменной пачкой дорого зернового кофе. Мы сидели за столом с чаем и ели торт: Эльза, её мама, я и тут же Гуля, ожидая подачи со стола, внимательно наблюдала за нашими движениями, настороженно и преданно смотря каждому в глаза. Пребывая в научном пространстве, Эльза держала меня в курсе новых публикаций, научных конференций, время от времени приобретала для меня археологическую литературу, особенно новинки из провинции, которые я бы не за что не нашёл, если бы не её помощь. За всё, что она для меня сделала, я ей был невероятно благодарен.

Все мои воспоминания теперь казались сном, неужели всё это случилось со мной?

Начальные 90-е годы представлялись тогда неподдельной жутью. Из-за угрюмой нищеты, когда выродки своих великих отцов растаскивали и прибирали к рукам достояние страны, рвали зверьём плоть родины под аккомпанемент Лёни Голубкова, учиться в университете становилось всё труднее и труднее. Уничтожалось не только государство, но сама страна. Голод, слом судеб, насилие, общий бардак, кровавая скачка войны и террора превратились в обыденность. По причуде Меченного и его окружения опустошение постепенно покрыло своей тенью нашу родину, а вслед за тем потекли страдания людей метастазами в крови. Шло время, и вот уже новый президент готовился к операции на сердце, и, мнилось, что вся страна сжалась в комок в предчувствии очередного прикосновения скальпеля к своему телу. Только отдельные судороги выплёскивались на страницы газет:

– Будет лучше, должно произойти изменения в лучшую сторону.

– Нет, будет хуже.

Но подобные всплески разноголосицы ничего не могли сделать, потому что тело готовилось к новой боли.

Приход следующего президента ничего не изменил, только ускорилось обезлюдивание земель и падение народа в пропасть вымирания. И наступило самое страшное – гангрена распада перенеслась в души людей. Казалось, что тогда, прямо на наших глазах, всплывала стародавняя сказка о ущербном короле. Будто бы, специально её поставили на сценических подмостках нашей жизни, а не чужой, или выдуманной писателями. Казалось, неизвестное произведение Шварца, вдруг где-то разысканное литературоведами, предстала нашему взору. Или перед нами оживали гримасы Гофмана с его всевозможными крошками?

Но летние поездки в экспедиции оставались лучиком света в царстве безнадёги. Летом не нужно думать о еде, о том, что будет завтра, послезавтра, где найти деньги на еду, одежду, проезд в транспорте, на самые простые вещи и мелочи, меня окружали друзья, нас объединяло общее дело, юность играла в наших телах и душах. Тогда-то меня окончательно захватила история кочевых народов Евразии, потеснив интерес к готам в наших степях и Крыму. Тема древних иранских народов вела за собой и плавно переросла в дипломную работу по сарматским зеркалам, однако, пятый курс неизбежно заканчивался, и жизнь постучалась в дверь. Всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Ещё оставалось что-то светлое на пятом курсе – необременительное написания дипломной работы, поездка на преддипломную практику в Москву, находилось время для подработок первыми переводами и радость от заработанных копеек, что помогали жить, – но будущее вставало со всей остротой. Впереди мельтешила нищета, чуть ли не голодуха, и никаких перспектив для нормального существования в будущем, не оставалось шансов и для науки, как тогда казалось. Новостроечная экспедиция в университете захирела

с девяностого года, а потом и вовсе тихо умерла. Виктор, промыкавшись лаборантом в университете, смог с коллегами создать инспекцию по охране памятников археологии области. Но инспекция охраны памятников еле выживала, слабая жизнь теплилась в краеведческом музее. Куда идти? И как жить? Выбор состоял в том, чтобы переехать в один из столичных городов и попытаться пристроиться там каким-нибудь лаборантом, с неизбежным полуголодным существованием и мыканием по жизни, и то не факт, что удалось бы устроиться по специальности. В качестве самого лучшего варианта при переезде оставалась хотя бы призрачная перспектива на будущее, далёкое будущее. Или бросить науку и найти место в текущей жизни. Выбор, подобно гамлетовскому вопросу, завис своей изогнутой закорючкой.

Да, тогда потребовалась воля, чтобы решить свою судьбу, и двигаться дальше. Заставить всё бросить и зажить новой жизнью. И вот такой неожиданный поворот с Главным, всё рассыпалось на глазах, рассыпалась созданная мною жизнь. Я сжал зубы, скулы напряглись до металла.

Время шло медленно, звонить ещё было рано. Я резко встал, осмотрелся, приличный ресторан оказался слева по ходу движения, немного в стороне. «Чем терзать себя мыслями, можно посидеть и что-то выпить», – отчеканил себе.

В ресторане заказал немного коньяку и что-то из холодных закусок. Здесь оказалось довольно мило и комфортно. Белая накрахмаленная скатерть смотрелась так, будто бы она ломалась на изгибах, вычищенные изящные приборы и прозрачные подобно слезе бокалы, кругом классический спокойный интерьер, но при этом лишённый присущей именно классицизму холодности. За собранной в ленту портьерой в проёме окна просматривалась зелень бульвара, ждущая своего октября. Кроме меня в глубине зала сидели две женщины, и всё. День только начинался, и посетители ещё не заполнили собой заведение. Тихий умиротворённый мир точно вливался в меня, согревая вместе с коньяком. «Здорово, что я сюда зашёл», – пронеслось у меня в сознании. Правильные решения всегда важны, только нужно их найти, или почувствовать, вёл я свою мысль. Время незаметно плыло, плыл и я вместе с напитком. В такие минуты иногда жалел, что не курю. Медленно растекающейся дым хорошего табака с изысканным ароматом очень был бы к месту, его волны как мелодии музыки несли бы меня за собой, плывёшь и плывёшь, неподвижно сидя на месте.

Рука потянулась к телефону. По времени выходило, что в офисе уже закончился обед. Можно было звонить. Подумал и выбрал номер. Через мгновение раздалось.

– Да.

– Сергей, ты один?

– Да.

– Что случилось? – на противоположном телефоне возникла пауза. – Говори, как есть.

– Виктор Степанович вас уволил.

Пауза.

– Что случилось?

– Разное говорят, но толком не понятно, что произошло. Но все в шоке.

– И что?

– Вот, чухаем головы.

– Всё зависит от причины увольнения. Что говорят.

– Толком никто ничего не знает, единственно, что понятно: к нему приходила дочь, и после её ухода он начал громить и метать. Тогда под руку попались и вы.

– Понятно, если что, перезвони.

– Да, конечно.

Вот так. Приходила дочь. Что же на меня наврала, такое, что он выгнал меня, будто шелудивого пса из дома? Я задумался. Не бином Ньютона, чтобы его не решить. После нашего неизбежного разрыва, который должен был вот-вот произойти, она решила сделать первой ход

и отомстить, задействовав своего папашу. Не могу себе представить, чтобы она с раскисшими глазами бросилась ему на грудь и стала гнусаво изливаться ему в том, какой я негодайка, что отверг её. Она не такая. Её голубые глаза не для слёз. Вспоминая её глаза, что-то ёкнуло внутри, какая она всё же красивая, и какого ляда тебе надо было, думал я о себе. Я выпил.

Пауза была необходима и мне, и коньяку.

Что же она ему наплела обо мне? Что-то убийственное.

Снова наступила пауза в размышлениях.

И что? Что я мудака? Но это не та реакция. Из-за мудака и придурка отец дочери таким, каким его видел я, не может быть, и с такими угрозами, стремлением раздавить меня. И почему я гнида? Что я такое мог сделать?

Пауза.

Ответ возник сам собой: чудное, неземное создание я попытался не то, чтобы соблазнить, а грубо изнасиловать, как животное.

Постепенно горечь приходила ко мне, мужчинам тоже бывает горько на душе. Сложившаяся версия казалась самой правдоподобной. Такие глаза не плачут, они убивают, когда им наносят рану. Мне почему-то стало жаль себя. В общем, я, действительно, скотина, если отверг такую женщину, стало жаль и себя, и её. Но я причём тут, к её любви и желаниям. Кто спрашивал о моих желаниях и чувствах? Греки мудры, поняв, что люди состоят из двух половинок, и чтобы их помучить, боги разделили человека на две части: мужчин и женщин. С тех пор мы все скитаемся, маемся, ищем свою половинку, и когда находим, становимся снова людьми, обретаем счастье и покой. И разве может моя половина так себя вести по отношению ко мне? Она не моя женщина, она мне чужая. Да, чужая. Наконец-то, я произнёс важное слово. С самого первого знакомства у меня что-то там шкрябало внутри, что всё не так просто, что мы разные, нечто лежало между нами. Даже неземная красота не могла растопить лёд отчуждения. И вот такая-то дикая месть с её стороны, неукротимая злоба, до одержимости только собственными чувствами. Ну, шло всё к разрыву, не сложилось, бывает такое, но так мстить!

Настроение становилось всё мрачнее и мрачнее. Потеря работы – потеря всего. Мир рухнул. Начинало появляться знакомое забытое чувство, когда приходит ощущение, что земля не просто, что называется, уходит из-под ног, а словно, рвётся связывающая нить, и дальше одна пустота и тяжесть на сердце от предчувствия предстоящего удара, и бездна.

Я расплатился и вышел из ресторана. Светлый приветливый день на меня не действовал. Сначала по инерции направился прямо, по центральной аллее бульвара, затем зашагал вдоль улиц, просто шёл, шёл и шёл. Зелень бульвара давно закончилась, пошли строим пятиэтажные дома, затем девятиэтажки, местами попадался разбитый асфальт с пылью в выбоинах, о них спотыкались люди, вспоминая начальство злым, тихим словом.

Постепенно от тяжкого хождения приходила усталость, и сама ходьба начинала надоедать. «Надо отдохнуть, присесть», проплыло в голове.

3

Осматриваясь кругом и приглядываясь ко всяким мелочам, что рассыпал городом вокруг меня, я медленно двигался вдоль незнакомой мне улицы, с мыслью где бы найти кафешку, и, повернув за угол, увидел на летней террасе своего старого школьного товарища. Кит, мой дорогой, океаноплавающий Кит! Вот так дела! Он тоже заметил меня, приподнялся из-за стола и крикнул, размахивая руками.

– Заходи к нам!

Я утвердительно махнул ему в ответ, обрадовавшись по-детски такой неожиданной встрече. Лавируя среди столов и стульев, протиснулся в самый конец террасы и оказался возле Кита. Мы радостно приобнялись.

– Давно не виделись. Присаживайся, – весь светился Кит.

– Да, давненько, – затем хотел добавить что-то весёлое, но Кит оказался не один за столом, а с совершенно мне незнакомыми парнями, и потому промолчал. Кит познакомил со своими друзьями: «Бакс! А это Браво, почти как Вася из Москвы», – кивал он поочередно головой, пока я пожимал им руки.

За столом имелось одно свободное место с пустующим стулом, на который я и присел лицом к залу. Кит окликнул официантку и попросил ещё один прибор. Бросив взгляд на сервированный стол, в свою очередь заказал бутылку водки, колбасную и овощную нарезки, а себе крабовый салат. На мой беглый вкус кафе выглядело вроде симпатично – скатерти в клеточку ложились в тон интерьера «а-ля кантри», кругом дерево, пепельницы на грубоватых столах, приличные приборы, вежливый официанты, но скатерть оказалась не первой свежести, и сбоку её, ближе к себе, заметил даже маленькую дырочку, прожжённую сигаретой. Я присмотрелся к приятелям своего друга.

Бакс имел сдержанность во всей своей позе и такое лицо, что оно прямо говорило своим выражением: «Знайте, я не потерплю никаких глупостей!» Он явно принадлежал к тем, кто похож на царскую птицу. Ту птицу, что ранней весной выходит на луг и распускает свои перья, чтобы их видело солнце. Она раскидывало свой хвост и выставляла напоказ цветущую весну своего оперения. Смотря на него, я только улыбнулся про себя. И ещё великолепнее птица выглядит, когда под лучами солнца оперения переливаются всеми цветами радуги, мягко переходя друг в друга, и сама красота принимает всё новый и новый облик. Особенно подвержены цветовым переменам глазки, что несёт птица на концах своих перьев. Словно какая-то радуга обегает кругом каждый из них, и вот перо только что сверкало бронзой, но, небольшой поворот – и перед тобой уже золото, а то, что под солнцем светило густой лазурью, в тени становится тёмно-зелёным. Птица гуляет по кругу, поворачиваясь и торжественно выступая в окружении своей красоты. Так и Бакс, видимо, ходил меж людьми, собирая взгляды и раскрытые рты.

Браво, напротив, выглядел со своей улыбкой открытым всем и всё парнем. Он выглядел дородным, даже полным мужчиной, и слово «парень» к нему не шло, хотя по возрасту он вряд ли был старше нас. Он имел облик человека грубоватого, что внешне подтверждалось малочёсаной шевелюрой на голове, и вид совершенно городского босняка, и тем неожиданней обнаружилась красота его речи, когда он начал говорить, и подобно Сирене, звуки его голоса начинают овладевать вами, привлекая к себе внимание и сосредоточивая на завораживающей тональности, подчиняя себе. Он, видимо, продолжал речь, прерванную моим приходом.

– Что могу сказать. Женщины – это лучшее, что у нас есть. Кто-то не в состоянии или не умеет с ними выстроить отношения, потому страдает, мучается. Но это не значит, что дело в них, во многом дело в нас самих. С самого начала, когда у меня начал пробиваться пушок на щеках, я влюблён в женщин и не могу без них. У меня меняются только вспышки влюблённости, и с этим ничего не поделаешь. Любовь, точно сама, без меня, принимает и передаёт от одной к другой. Ещё не успеет закончиться обладание одной, тут же возникает движение к новой женщине, которой я отдаюсь, весь, без остатка!

– Прекрати! – морщился ему в ответ Бакс, – что за дешёвое актёрство и позёрство, как у Хайма из Одессы.

Браво в ответ на его слова только безоблачно смотрел на своего приятеля, который продолжал.

– И тебе тяжело от такой жизни! Тому, что дала тебе судьба? Послушать, так у тебя целое бремя на плечах от окружения красивых женщин? Я тебя знаю с детства, когда ты ещё сидел на горшке. Вот не надо, не надо, всего этого. Лучше признайся сразу, что ты счастливый человек, поскольку ты не занимаешься чёрной работой, не пашешь на заводе, не скитаешься по стране командировочным, типа купи-продай, ты не знаешь жизни солдата – ты даже в армии не служил!, – который всегда под пятой начальства. Нет! Ты вот весь лоснящейся, хорошо одетый

и упитанный, с толстым кошельком в кармане, бегающими глазками в поисках женщин – вот все твои заботы! Лучше скажи, раз такой Дон Жуан, что недурственно: любить женщин или мужчин.

Собеседники, видимо, уже разгорячённые спиртным, продолжали беседу пока непонятную мне. Поэтому я налёг на принесённый салат. В какой-то момент, когда речь Бакса вроде бы завершилась, подмигнул Киту, мол, по одной. Дружище понял мой намёк, разлил водку по рюмкам.

– Ну что, за знакомство, – произнёс я в качестве тоста.

Мы чокнулись. Выпив рюмку Кит одобрительно ухнул, и затем произнёс.

– Bravo, лучше расскажи, как ты едва не погиб от любовных игр. Хотя бы ту историю, где тебя чуть не растерзала собака.

Улыбки осветили лица, сидевших за столом, засветился светом с поволокой в глазах и Bravo. После некоторой паузы он начал свой рассказ.

– Как-то мне захотелось соблазнить красивую девушку в одной из компаний. Так получилось, что, когда все подвыпили и расслабились, я в одной из комнат, скорее всего, в кабинете, обнаружил волчью шкуру. Она лежала возле письменного стола и была хороша: с целой головой, оскалившейся пастью, злыми глазами. Почти живыми! Я тихо напялил шкуру на себя и так ползком-ползком пробрался в зал и начал подбираться к ногам барышни возле стола, чтобы укусить её за прелестную ножку. И вот, когда был почти у цели, собака со страшной кличкой Гектор, как-то так набросилась на меня, с отчаянием мелкого пинчера, вцепилась в волчью шкуру и давай её тянуть. Я тяну шкуру к себе, она к себе. И тут Гектор как закричит нечеловеческим голосом: «Хозяин, стреляй!» Тот видит, что собака его зовёт и, возможно, в опасности, и он с вилкой со всего маха бросается сверху прямо на меня и пытается вонзить вилку в шкуру волка!

– И тут раздаётся вопль Bravo, крик раненой белуги! – воскликнул Кит. – Оказывается, вилка соскользнула со шкуры и проехала по боку Bravo! Bravo стонет, собака заливается лаем, девки визжат, хозяин собаки орёт. Шум, гам, в общем, полный пипец! Его стонущего пытаются не то перевязать, не то залить йодом, а он бедняга просит водки.

– Чтобы погасить боль, – парировал тот.

– Гости рассыпались овцами по дому, – торжествовал Кит, – все раздражённые и местами с испугом на лицах, особенно девки, только слышно: «За что, за что, о, Боже мой!». Вечер удался!

– А что я, – невинно передёрнул плечами Bravo, – днём прогуливался по саду в ожидании гостей, заняться же было не чем. Хожу по саду, и вот повстречался там мне мальчишка совершенно маленький. Кто он такой – не знаю. Около полудня я заметил его под яблоней, он держал в руках вот такое яблоко, – и рассказчик показал его размер, – белое, молочное, сочнее персика. А малый весь такой блондинистый, огонь, свеженький, словно только вымытый и может потому был почти голый. Кто же его знает. Он был один, рвал плоды и играл ими, как в собственном саду. Я подбежал, хотел удержать его, чтобы он не сломал себе зубы вот таким яблоком.

Он снова показал руками огромность яблока.

– Но он ускользнул от меня. Подхожу к нему, а он снова от меня бежит. Забежал в чашу роз, потом спрятался в малинике, даже его головы не видно в кустах – совершенно молоденький тетерев. Я на охоте гонялся за зайцами и птицами, бегал до самой усталости. Но всё зверьё менее проворно, чем этот малый! Наконец, я утомился, – потому что не мальчик, не семнадцать же мне лет. И поглядывая так на него, спрашиваю, зачем он приходит рвать плоды в чужой сад. Ничего не ответил малой, только подошёл ко мне и улыбнулся так тихо, так нежно, что сердце у меня смягчилось, до такой степени, что хотел обнять его. Я клялся, что отпущу, дам яблок и груш, и вообще позволю во всякое время рвать плоды и цветы, хотя, конечно,

сад не мой. А он малец, только громко смеялся, и я услышал голос нежный, и от его голоса и ласкового вида умиление тогда нахлынуло на меня, что чуть ли не слёзы выступили на глазах.

Браво сделал паузу, и растроганность показалось на его лице от возвращения в тот прекрасный момент жизни.

– Потом я вспомнил об утраченной юности, своей первой любви, тех подарках, которые дарила мне любовь. А он стоял улыбался, и говорит так. «А поймать меня ты не можешь. Я по виду дитя, на самом же деле стар, более чем стар! Я был с тобою, когда ты впервые влюбился в своей жизни. Но ты не замечал меня, хотя я был недалеко от тебя. Теперь я с другой парой. Соединив их утром, пришёл вот в этот сад, играю с плодами и листьями, купаюсь в воде. Вот почему цветы и деревья сада так прекрасны. Посмотри на сад: есть ли в нем хоть одна сломанная ветка, хоть один сорванный плод, растоптанный цветок или замутившийся родник? Радуйся! Ибо ты один из людей созерцаешь в этом дитя – Любовь».

Я от такого монолога Браво перестал возиться с едой и непроизвольно приоткрыл рот.

– А он вспорхнул на яблоню, как птица, и прыгая с ветки на ветку, достиг вершины. Тогда я увидел крылья за его плечами и в колчане, между крыльями, маленькие стрелы. Потом взлетел он ещё выше и скрылся.

– Эрот! – воскликнул я, – Ты видел Эрота... Это сколько же надо было выпить!

– Выпил мало, – горячо зашептал мне в ухо Кит, – он пьян, когда валится под стол, и почему-то всегда в такой момент оказывается голый! И начинает дико смеяться.

Я бросил взгляд на тучную, шерстистую фигуру Браво, и трудно было предположить, чтобы он с диким смехом вот так, запросто, катался голым под столом. Пристальнее я всмотрелся в Браво. Его глаза рассеяно излучали благодущие, губ касалась лёгкая улыбка, и лишь некие контуры отрешённости Бахуса улавливались в его облике. Можно на миг себе представить, вот он совершенно голый и пьяненький идёт вслед за парой Эрота и Дважды Рождённого, которые в обминку шатаясь и горланя песни, шлялись где-то по земле. Представилась картина, словно отражение на моём лице благодущия Браво. Невероятная картина. Он, этот верный сатир, со своим всепоглощающим упоением от жизни шлёпает за двумя богами в окружении менад, бьющих в тимпаны и играющих на флейтах, а отдельные из них с запрокинутыми головами кружатся под ритмы музыки в танце. Браво, сатир из сатиров, пытается схватить одну из танцующих менад и затащить её в кусты. Шум и музыка стоят над толпой, шествующей в лесу. Пьянящий экстаз поднимается над толпой и распространяется по округе, пересекая горы, плывя над лесами, пока не накрывал города. И в тот же миг, ничего никому не говоря, женщины в городах бросали свои дома, семейные заботы и шли в лес – матроны оставляют своих детей и мужей, юные девы украдкой покидают родные дома как темницы, гетеры и распутные женщины тоже присоединяются к толпе, там же мелькали почти старухи. Возбуждённые, с горящими глазами, толпы женщин бродят в лесах по округе. Подпоясанные задушенными змеями, украшенные виноградными листьями, с распущенными волосами и обнажённой грудью, а отдельные из них покрытые ещё шкурами зверей, они в винном исступлении появляются в различных уголках бескрайних лесов. С тревогой мужчины смотрят на них, понимая, что их близких и совершенно незнакомых женщин охватил экстаз. Незадачливый путник, встречающий толпу поющих, танцующих, играющих на флейтах женщин, размахивающими огромными жезлами, с ужасом смотрит на их окровавленные руки, и с неведомой ранее для себя сосущей тоской останавливает свой взгляд на женских лицах, измазанных кровью. «Чья кровь», медленно крутится у него в голове мысль, и он стремительно бросается от толпы, силясь скорее скрыться за воротами ближайшего города, страхась женских лиц словно масок. Лица женщин с разводами крови, с вьёвшейся в кожу, в самые мелкие складки под глазами, пылью, несколько дней уже не знавших воды, недолжной касаться их тел, кажутся безжизненными масками. Только глаза пылают на их фоне нечеловеческим сиянием. Дни продолжается осеннее безумие, посланное Дионисом. Никто никогда не знал, чем питаются толпы женщин, только вино они похищали

у горемычных крестьян, а кровь на их телах и на одежде свидетельствовали, что они чем-то питаются, и многим хотелось верить, что только дикими животными, – ни один трезвомыслящий мужчина не мог помыслить, чтобы пойти и посмотреть, чем они занимаются в лесах и на пустошах. Тайна бога оставалась только с вакханками, и только с ними.

– А ещё, – с жаром шептал мне Кит, – он всегда пьёт. Даже в Париже. Ты представляешь, денег нет из-за дороговизны, а всегда пьян!

Браво краем уха услышал горячий шёпот Кита, приподнял одну бровь и произнёс.

– А что Париж. Ходили мы, ходили по монмартрам, в общем, устали, и вдруг, вижу, там в сторонке вишня, вся облепленная почти чёрными плодами. А у нас с собой было! Радость овладела нами, когда мы увидели закуску, посланную случаем.

И в его рассказе было совершенно не важно, кто «мы» – ими могли быть и все мы, сидящие за столом, и не могли быть ими, а совершенно другие люди в тот момент окружали Браво, без разницы, кто сопровождал его в тот миг жизни. Сам его рассказ плыл над нами пленительным чудом.

– Стоим мы так хорошо у дерева, и у мимо проходящей мамзели, держа открытой бутылку «Столичной», я спросил: «Что такое Любовь, мадмуазель? Дитя или птица, и в чём заключается её сила?» И всё было произнесено на чистом русском языке. И в ответ на таком же русском прозвучало: «Пить надо меньше, хотя бы в Париже!» Она была русской! – восторженно воскликнул Браво, расцветая всем своим широким лицом, и с невероятной теплотой в глазах произнёс.

– Друзья мои, любовь есть бог, прекрасный и окрылённый. Любовь царствует над всеми. Она, царствуя над всеми, имеет большую власть над людьми, чем все президенты и шейхи мира вместе взятые. Любовью движутся реки, любовью дышат ветры! Вот, почему любит всегда юность, а не старость. Я жил в деревне и видел влюблённого быка: он ревел, как ужаленный оводом, а ещё видел козла, жаждавшего соединиться с козой, и всюду они следовал за мной. Я сам был молод и любил Тамару! Тогда я не думал о пище, забывал о питье, не имел отдыха, душа моя чахла, сердце стучала в висках, тело трепетало, я вопил, будто меня били, или болтал без умолку, потом вдруг погружался в молчание, как мёртвый, иногда кидался в реку, как будто внутренний огонь пожирал меня. Я благодарен был эху, которое повторяло за мною имя: Тамара, Тамара, Тамара! Я разбил в отчаянии гитару, потому что она не привлекала её внимание. Ибо нет никакого лекарства от любви – ни питья, ни еды, ни волшебных заклятий. Есть одно только средство – целоваться, обнимать друг друга и обоим лежать вместе голыми.

Смотря на Браво, я только и мог произнести.

– Надо выпить... Срочно.

Все одобрительно кивнули, лишь Браво в умилении летал где-то там, за облаками, за небесами. Лёгкое смятение не покидало меня. Неужели, думал я, они все здесь такие. Бакс внешне не производил подобного впечатления, но почему тогда он молчит. Кит с детства отличался лёгкой сумасшедченкой в голове, и с ним всё понятно, но Бакс! И словно услышав мой недоумевающий вопрос, тот произнёс.

– Вся подобная чушь улетучивается, со всеми эротами и прочим, только ты лучше узнаёшь душу женщины. Именно что душу. Что есть женщина? Сосуд зла!

И тут Бакс развернулся к Браво и отчеканил.

– Сколько сосуд не разукрашивай всяческими красками и золотыми безделушками, он всегда останется неизменным своим гнусным содержимым!

И затем мирно продолжил.

– Твои соблазнения и любовные похождения переступают все границы. И вообще, бесстыдникам нельзя находиться в обществе нормальных людей, что относится в первую очередь к тебе. И нечего кивать, на то, что ты подчинился чей-то там воли, Эрота, понимаешь ли. Здравый смысл всегда сопровождает человека, даже в любви, и его поддерживает наше стремле-

ние, направленное на то, чтобы следовать разумности. А ты ведёшь себя подобно животному! Человеческое тебе неведомо в его разумности по отношению к женщинам. И скажу тебе даже больше – отношения, основанные на здравом смысле, не являются чем-то корыстным, или, что более понятно тебе с твоими дурацкими всяческими фантазиями: любовью по расчёту. Благодаря рассудку возникает спокойное чувство, построенное на ощущении собственного достоинства и требовательности к партнёру. В такой любви партнёры ищут удовлетворения своим естественным потребностям, поэтому она существует только, если каждый что-то делает для другого. Такая любовь возникает от ума, то есть она рождается не от чувств и всяких там эротов, а от осознанно принятого решения любить конкретно человека. И данное решение основывается на доводах рассудка. Ты ведь, не раз встречал вот такие рассуждения женщин: «он меня любит, потому и я его буду любить», «он обо мне заботится, и я буду с ним счастлива», «он надёжный» и т.д. Каждый может выбрать своё определение, но оно не меняет самой сути. Такое чувство между мужчиной и женщиной может сохраняться всю жизнь, и пара при таком виде любви может быть счастлива. Вот что важно, Эрот ты наш! Со временем отношения могут перерасти в особый вид любви. Почему бы нет? На Востоке брак строится на том, что девушек выдают замуж родители, а потом молодожёны не просто живут счастливо, а многие любят друг друга! Прагматика – это тебе не твоя мания, маниакальность к женщинам, а нечто иное. Ты только берёшь и ничего не отдаёшь своему человечку, ты похож на зверюгу дикую.

Бакс в упор смотрел на Браво, но тот молчал.

– Мания. Ты болен манией. От неё появляются маньяки. Этакая любовь-наваждение, когда постоянно возникает желание получить не просто новое, а невозможное, которое потому и дорого. Чувство, от которого раскачивается психика, возникает маниакальная эйфория, а потом тяжелейшая депрессия. И бывает заканчивается всё убийствами. Мания несёт страдания и объекту страсти, и тебе самому, и она явно является для человека наказанием, у него исчезает разумность, чтобы отдавать себе отчёт в происходящем и принимать правильные решения. Маньяк стремится всё время быть рядом с те, кого любит, пытается контролировать его, испытывает безумную страсть и ревность. Он испытывает душевную боль, смятение, постоянное напряжение, тревогу. Он полностью зависим от объекта обожания. Женщина же после некоторого периода такой пылкой любви со стороны влюблённого начинает его избегать и делает попытки разорвать отношения, исчезнуть из его жизни, оградить себя от одержимого. Данный вид любви разрушителен, несёт мучение и влюблённому, так и возлюбленной, за исключением садомазохистских отношений, оставим их в стороне. У тебя явно болезнь, и бредовое состояние с эротами только подтверждает подобный диагноз. И тебе надо лечиться.

Браво молчал, словно не слышал, о чём говорил его товарищ. Ничто не омрачало его лицо. И складывалось впечатление, что он действительно пребывает в состоянии, далёком от того, что ему говорили, слушая свою внутреннюю музыку. Жалось к нашему товарищу проникла в наши сердца, и мы выпили за его здоровье.

– Нет, ну нельзя же всё так, – откликнулся Кит. – Что там за грех, запать на красивую девушку. Нормальная реакция. Страшнее, когда мужик западает на мужика. Вот где трэш! Расскажу анекдот. Трое мужиков пошли на рыбалку, выпили, туда-сюда, оказалось водки мало. Посылают одного в село, чтобы тот закупился водкой. Мужик быстро сходил в село, возвращается, и видит, как один шпилит другого. Он обомлел и кричит: «Что вы делаете?» А один отвечает: «Вася упал в воду, чуть не утонул, я его вытащил и откачиваю». «Так надо рот в рот, а не взад!» «Так с этого всё и началось!»

Бакс гоготал, а Кит даже бровью не повёл.

– Вам должно быть стыдно, – вдруг произнесла женщина за соседним столиком.

– Гордость не позволяет нам показать это! – скосив один глаз в её сторону, торжественным набатом отозвался Бакс ей в ответ.

Кит продолжил, не обращая внимание на тётку.

– В какой-то момент люди опустились. Тогда-то возникают извращения, противные нормальному человеку. И ведь был первый, тот, кто посмотрел на мужика как на женщину. Ведь был кто-то первый! И пошли они в кровать, понимаешь ли, и ни один не думал краснеть и стесняться того, что делал, и того, что позволял делать с собой. Ть-фу! В такой момент мужчины превращаются в бесплодные камни. Женщины стали потерянными для дела, для которого порождены на свет: рожать и давать новую жизнь. Самой природой установлено, чтобы мужчины соединялись с женщинами. От их связи появляются дети. А дети – сама жизнь, продолжение человеческого рода, иначе люди вымрут. Только семья, только дети и являются смыслом, почему существуют мужчины и женщины. Без них невозможна сама жизнь, её продолжение. Кто-то злой однажды сломал естественный ход жизни.

Кит передёрнул плечами, насколько всё о чём он говорил, казалось очевидным, и, вообще, о чём ещё можно говорить на фоне такой вечной в своей бесспорности правде жизни? Пусть будет мания или прагматика, даже мазохизм, но дано с самого сотворения мира, что есть мужчина и женщина, и быть им всегда вместе, и от их любви рождаются дети. И от такой истины всем стало легко и покойно, и радостное чувство единения снова охватило нас.

– Давайте выпьем, по полной! – изрёк я, мы чокнулись, и новая волна тепла поплыло по нашим телам.

После выпитого лицо Бакса постепенно размягчилось и стало обычным добрым лицом, Кит плыл в своём океане добродушия, Bravo пребывал в мире грёз. Говорили о том, как в юности было всё прекрасно, как с друзьями шатались по улицам своего города, захаживали в пивные и ели раков, потом спасались от местной шпаны, обитавшей в пивных, иногда вступая с ней в драки. Один хвастал, что подбил одному козлу глаз, а другой, что его песни сводили с ума девушек, третий гордился открытыми тайнами, ранее никем из присутствующих неведанных, иной рассказывал невероятные истории о дивных морях и морских монстрах, о тех морях, где мы не бывали, но может когда-нибудь на них побываем. День тёк подобно самой жизни в свои торжествующие дни. Но всё имеет конец. Всё было выпито, съедено, пришло время покинуть кафе.

4

Мы вышли из кафе и медленно пошли вдоль улицы. Расходиться не хотелось – ещё солнце пребывало в наших сердцах.

– Может, по одной?

– А не много будет?

– Да по рюмке, что там.

Мы стояли недалеко от скверика, затиснутого между многоэтажками. Там буйно росли кусты, возвышались деревья, и через них стремились протиснуться на ковёр травы последние солнечные зайцы. И тут раздалась реплика:

– Мы сядем, вон там, за кустами.

– Почему за кустами?

– Чтобы мы всех видели, а нас никто не видел!

Довод был убийственный по своей глубине мысли.

– Точно, мы будем там закрыты!

Мы прошли в сквер и заглянули за кусты, там никого и ничего не оказалась, кроме зелени травы под сенью большущего ясеня.

– Отлично!

– Прекрасное место!

– Ну, кто пойдёт в магазин?

– Схожу, – откликнулся я, – кто со мной?

Кит вызвался идти со мной. Скинулись деньгами, которые я засунул в карман пиджака, и мы с Китом отправились в незнакомый путь, не совсем понимая в какую сторону двигаться.

Сначала вышли на центральную аллею сквера, осмотрелись и нацелились в противоположную сторону от нашей группы, поскольку гастроном по близости нигде не просматривался и оставалась надежда, что магазины расположены далее, в пределах видневшейся вдалеке оживлённой улицы. Вдоль дорожек мирно работали зеленстройщики, возившиеся с розами, обрезая и отбрасывая увядшие, в сторонке виднелась детская площадка с качелями. И тут, по дороге, на центральной площади сквера, нам попался осёл с фотографом. Осёл стоял в своей привычной позе безразличия и дремлющего покоя, выражая известное ослиное наплевательское равнодушие к окружающему. Только, мне показалось, что его один глаз, обращённый в мою сторону, слегка, этак почти незаметно, косил и внимательно на меня смотрел. Он смотрел на меня и о чём-то думал. Я повернулся к Киту и произнёс.

– Это Тот Самый осёл, – и выразительно глазами показал на осла.

– Ты так думаешь? – спросил Кит, я сделал лицо. Он ещё раз внимательно посмотрел на животное, и придвинувшись ко мне, тихо отозвался. – Косит на нас глазом.

Я сделал лицом: «Ещё бы!», но уже в невозможно превосходной степени. Мы одновременно посмотрели на осла и ускорили шаг, зная эротоманный нрав вот таких вот ослов.

Центральная аллея в пятнах клумб и обрамлении кусто-деревьев закончилась, и перед нами предстал бесконечный поток автомобилей, двигавшейся по весёлой магистрали. Железная, жужжащая жижга, дымящая газами, иногда нервно повизгивая, катила не останавливаясь. Обычно у крестьян и провинциалов бесконечный поток автомобилей больших городов вызывает глубинный ужас или болезненное уныние, но только не у нас, горожан огромных городов. Машина – простая железяка, лишённая в городе всяческих прав, и потому с ней можно делать всё что угодно. Любое столкновение с пешеходом будем расцениваться не в пользу автомобилиста, главное, чтобы за рулём не оказался «крутой», или просто дебил. Поэтому при знакомстве с автомобилями в большом городе стояла задача – не попасть на тупую крутизну, но каким-то городским чутьём мы её инстинктивно распознаём, как вонючий уличный закоулок, в который заходят, чтобы отлить, и которого сторонятся порядочные люди. И мы смело сделали первый шаг на проезжую часть. Машины начали визжать, пищать, делать извилистые движения, кривляться, но на удивление, они не матерились. Такое вежливое отношение пробудило у нас почтение к проезжающим машинам, и мы стали кого-то вежливо пропускать, кому-то махать рукой, мило улыбаясь, и так благополучно перешли на противоположную сторону дороги. К сожалению, здесь уже были не железные кони, а люди с лошадиными лицами. Перед нами предстало скверное зрелище, и оставалось побыстрее укрыться в магазине.

Огромный городской магазин существовал своей обычной сытой жизнью. Искусственный свет, что лился сверху, с боков, и казалось снизу, освещал всё то изобилие, которое можно увидеть только в хорошем продовольственном магазине. Колбасы лежали на витрине, играя различными формами, жирным отливом, пугая, а иногда и радуя ценами. Недалеко располагались белобокые с желтизной сыры, хлеб притягивал к себе только ему присущим тёплым ароматом. Празднично светился всеми цветами радуги кондитерский отдел, и уныло крупами прозябал отдел бакалеи. Но самой насыщенной жизнью жил ликёроводочный прилавок. Он всегда удивляет огромным, невероятно разнообразным ассортиментом напитков. У проходящих к ликёроводочному отделу такое обилие, если они не профессионалы, всегда вызывает ступор. Они долго, с напряжением думают, что перед ними, сколько стоит, какого качества продукт, где произведён, мучаясь ещё многими мелкими вопросами подобного типа. Если мужиков много, они начинают тут же обсуждать, прикидывать на каком сорте водки и марке завода остановится, актуален вопрос – сколько брать и хватит ли денег, неизбежно начинает маячить вопрос о количестве и качестве закуски. Возникает уравнение с числами, которые нужно между собой

увязать по возможности быстрее, сам же процесс размышлений осложняется множеством и часто противоречивыми неизвестными, но всегда с известным результатом.

Нам особо упражняться не приходилось.

– «Немиров» с перцем! – отрапортовал я продавщице.

Она посмотрела на меня, как смотрит генерал на бойкого, толково солдата, и вручила бутылку водки словно награду. Царственный вид продавщицы не вызывал сомнения, что перед нами предстояла не просто женщина, а богиня, Цирцея! Полдела было сделано. Хлеб купили сразу и без проблем, как и баночку с маринованными огурчиками. Намного дольше решался вопрос о закуске. К хлебу полагалось ещё что-то. Что-то обычно бывает колбасой, но вот какую купить – оставалось непонятным. Две головы в задумчивости склонились над витриной с колбасными изделиями. На витрине было всё! От сомнительных паштетов и странно дешёвой варёнки до изысканных сырокопчёных колбас и всем известного хамона!

– Возьмём варёнку, или как, – произнесла первая голова.

– Может «или как», – сказала вторая.

– «Или как» требует больших денег, – вдумчиво отвечала первая.

Наступила мхатовская пауза. В итоге остановились на нейтральном варианте: взяли замазку, имевшую соответствующее название «Закусочная», и кусок «Любительской», мило-стиво порезанной на кругляши продавщицей. За одно приобрели и пластиковые стаканчики, походу ещё и газетку в киоске на углу улицы, закончив комплектацию нехитрого набора мужской компании.

Обратная дорога приобрела более вдумчивый характер. Стоило не рисковать содержимым пакета и пришлось делать крюк через подземный переход, где я снова подвернул ногу, спускаясь по его ступенькам. Что за день такой! Только и чертыхнулся. Зёв перехода встретил нас узнаваемой сыровой прохладой, темнотой и неизбежным лёгким хаосом пешеходов в узости своего пространства. Петляние в потоке людей, подземелье, хромата, тревожная опасность встречи непонятно с кем и чем в тёмных местах, спёртые запахи – всё же когда-то заканчиваются, и вид открывавшегося наверху неба встречался с внутренним облегчением, а затем и зелень сквера свидетельствовали о скором окончании путешествия. Радостное воодушевление царило в нашей малой группе, идущей по аллее. Площадь сквера предстала перед нами всё также безмятежно пустой. Только в стороне снова нарисовался осёл.

Осёл, казалось, уже на нас не косил, но что-то в его фигуре изменилось. Появилось такое ощущение, что он местами напрягся. Напряжение выражало готовность к борьбе и неуважению к нам, и мимо такого вызова пройти было нельзя.

– Надо посмотреть на осла, – твёрдо сказал я, Кит утвердительно качнул головой.

Мы подошли к животному. Я с наглым видом стал смотреть осла в глаза, а потом на его экстерьер.

– Животное, – констатировал я презрительно, чтобы тот хорошо расслышал, и обратился к фотографу. – Ну, фотографироваться я бы возле него не стал, а вот прокатиться на нём – с удовольствием.

– На нём не катаются, – произнёс фотограф, посматривая куда-то в сторону.

– Какая разница, фотографироваться или кататься, – сказал я.

– Большая разница: кто-то даёт, а кто-то дразниться, – ответил фотограф с тем же безразличным взглядом, смотрящим в сторону, но уже с нотками в голосе.

Просто так проехаться на Том Самом не удастся. «Досадно», подумал я. На слова фотографа начинал бычиться Кит. Осёл, видя происходящее, уже готов был расплыться в довольной улыбке от приближающегося скандала. «Скотина, – подумал я об ослае, ведь, специально спровоцировал скандал, а теперь будет получать от этого удовольствие. – Ну, не скотина же!»

– Мы тут с друзьями сидим, – я махнул рукой неопределённо в сторону. – Могли бы вы нас сфотографировать на память? – и чтобы разрядить ситуацию, добавил, – конечно же, без осла – ослы и так хватают в жизни!

Все оценили шутку, думая, что они в данной ситуации уже точно не ослы, а вот остальные даже возможно очень. Только Тот Самый теперь не ухмылялся. Тем не менее, фотограф недоверчиво молчал. Я сказал:

– Мы расположись недалеко от входа, с той стороны, – я махнул рукой теперь в нужное направление. – Там ещё двое наших друзей, нам хотелось бы сфотографироваться всем вместе. Мой голос звучал всё мягче и мягче, пока не растворился в тихих звуках.

– Хорошо, – кивнул фотограф.

Когда все вместе отправились к месту, я снова повернулся к нему.

– Ну, а теперь, сесть на осла можно? Чтобы была память о событии, сфотографируйте меня, едущим на осле. Тут ещё ногу подвернул, вот иду, хромаю.

– Ну, садись, – наконец сказал фотограф.

И фотограф сделал кадр, где я еду на осле, размахивая пакетом. Животинка мелко тряслась по дорожке, а я получал удовольствие от древнего способа передвижения, смотрел по сторонам и находился в состоянии своего малюсенького счастья.

Навстречу нам шли люди, увидев такое шествие, улыбались. В стороне на качелях раскачивались молодые девушки, и одна из них от взгляда на нас прыснула от смеха.

– Девчонки, поехали с нами, – крикнул я.

Одна бойко прокричала.

– В другой раз! – заливаясь смехом.

– Следующего раза может не быть, – кричал я в ответ.

Приблизившись к кустам, я присвистнул. Поверх кустов показались две головы.

– Что тараканите глаза, идите сюда – будем фотографироваться, – позвал я две пары удивлённых глаз.

Кусты сначала зашевелились, потом треснули, охнули, и появились двое наших приятелей.

– Какой ослик, – восхитился Браво, и потрепал осла по голове. Такая фамильярность мне понравилась, но не ослу. «Терпи, скотина,» – ухмылялся я.

Мы дружно в обнимку сфотографировались возле злокозненного осла, потом рассыпались по парам, затем все вместе уже без осла, улыбаясь глазу объектива. В конце, довольные происходящим, взяли визитки у фотографа, чтобы через пару дней выкупить свои фотографии. Кусочек памяти о чём-то необыкновенном в столь обычный день.

И вот уже на траве очутилась газета, на газете водка и закуска, пластиковые стаканчики, а возле водки и закуски – мы.

Кит начал с тоста.

– Мужики, давайте поднимем стаканы за тот день, когда мы все встретились. Надо чаще встречаться и собираться.

Мы стукнулись стаканчиками и с удовольствием выпили первую. И закусили. Недурственно после первой закусить чем-то вкусным. Все в молчании жевали, получая удовольствие от еды.

«Хорошо!» – одновременно подумали все.

– Тогда ещё по одной, – произнёс Кит, словно, отвечая на безмолвное восхищение нашего душевного мира, и разлил по стаканам. – Мужики! Дни, бездарно проведённые вне круга друзей, мне кажутся глупо прожитыми и во многом лишёнными всяческого смысла. Ведь не будет же мы считать время, потраченное на зарабатывание денег, растроченное на утирание носов своим чадом, убитое на сидение вечером рядом с женой возле телевизора, наполненным смыслом.

Он нас всех внимательно оглядел, зависло секундное молчание, а затем началось.

– Ты бы спросил свою жа-ану – она тебе рассказала бы о смысле жизни.

– А возможно погоняла бы по кухне скалкой.

– А потом ночью в кровати пилила бы, какой ты чудик, что не можешь заработать деньги, – народ радостно ехидничал.

– Точно, секса не будет! За чем секс – деньги давай!

– Что за глупости, – морщился Кит, – мы же не для этого собрались.

– Да, надо выпить, – сказал Бакс, и ему согласно кивнул Браво.

Народ снова оживился, и руки снова потянулись к стаканчикам и закускам. Когда жажда была удалена, народ расслабился, чувствуя растекавшиеся по телу волны умиротворённости. Мысли снова начали пробивать себе дорогу.

– Вот скажи мне, американец, – довольно произнёс один из парковых гедонистов, не обращаясь к кому-то конкретно. – В чём смысл жизни?

– Смысл в том, что Бог умер, так сказал один умный мужик! – ответил Бакс.

– Такой с большими усами, – поддакнул я ему.

– С какими усами? – уставился он на меня.

– С такими большими, как у Горького.

Он ещё сильнее уставился на меня и смотрел не мигая.

– Не заморачивайся, – сказал я по-дружески, – мужик как мужик.

Бакс продолжил мизантропически.

– Потому мы живём в таком дерьме, что нет Бога. Кругом паршиво и мерзко!

– Жизнь такая сложная штука, что от неё, бывает, умирают, – в унисон вёл я, а Бакс продолжал.

– Земля в один момент не сможет носить на себе людей, которые думают, что смысл их жизни состоит в том, чтобы жрать и трахаться. Тогда один праведный мужик начнёт строить огромную посудину, вроде космического корабля, чтобы покинуть Землю, захватив с собой коды ДНК всего живого на планете. Развернутся хляби небесные, типа нашего потепления, и смоеет вода всю нечисть, людей без совести. Ведь Бог сотворил людей по подобию своему, и у них должна быть совесть, она дана сверху!, и печаль о людях, а они превратились в животных, утратив данный им облик!

Мне было поразительно в ту минуту смотреть на Бакса, так не вязалось внешнее представление о нём, с тем движением души, что происходило у него внутри, сокрытое от всех, и потому удивительное.

– Бакс, давай тебе расскажу одну сказку, – осторожно произнёс я. – В своё время студентом я оказался в Москве, и там случайно познакомился с одним немцем, – тут на миг остановился, и поправился, – Нет, он наш, русский! Просто занимался немецкой литературой... Мы вместе сидели в библиотеке и там познакомились, хороший парень такой, только циник, судьба у него будет не очень, ну это, дело такое. Давно с ним не виделась, не знаю, что там. Так вот, он мне рассказ одну немецкую сказку.

Парни с интересом смотрели на меня, и я начал свой рассказ.

История, рассказанная под сенью деревьев

Некогда во Фландрии, недалеко от города Гента, жила одна красивая девушка, дочь цыганского барона. Девушку звали Иза, и была она наполовину немка, наполовину цыганка, и что важно, считала себя цыганкой. А надо помнить, что над цыганским племенем в те времена висело проклятие. Когда богоматерь с Иисусом спасались в Египте, цыгане не оказали им гостеприимства, оставив богоматерь с младенцем стоять под проливным дождём и не пустив в дом. С тех пор цыган называли «чёртово племя», и они не могли из-за проклятия вернуться к

себе на родину в Египет. Но существовало предсказанье, что древнее проклятье можно снять, если у цыганки родится сын от великого властителя, и он выведет свой народ на родину.

И вот однажды к Изе пришла старая цыганка по имени Брака, которую местные крестьяне боялись, обвиняя в колдовстве, и говорит она такие слова девушке: «Смотри, там, на горе стоит треножник, трехногий, но не трединый. Кто миновал тот треножник, долго ещё проживёт; мясо, что поджаривается там солнцем, не кладут ни в какой горшок, – оно висит там, пока мы его не снимем. Только не кричи моё дитя – то отец твой висит. Мы достанем его нынче ночью и бросим его в ручей со всеми почестями, что ему подобает, и поплывёт он к своим в Египет. Возьми вот это вино и горшочек с тушёным мясом, помяни его одинокая, как должно. И вот тебе горшок молока, что я надоила у коровы на пастбище, оно тоже для поминок. Держи, не вырони их, не выплачь глаза себе, не забудь, что ты одна наша надежда теперь, что тебе дано спасти твой народ».

Страшная новость поразила девушку, которая молчала, поражённая горем, и только могла она в слезах смотреть вслед уходящей Браки, словно на зловещее письмо. Но ничего не поделаешь, надо жить дальше. После смерти своего отца девушка получила всё то, что ему принадлежало – ключи от его коморки с его имуществом. Цыганский барон с дочерью давным-давно нашли себе пристанище в доме, который стоял необитаемым из-за привидений. Обыкновенный домик, только люди обходили его стороной. Открыв каморку, где жил отец, девушка не увидела там ни редкостных одежд, ни драгоценностей, а помимо большой чёрной собаки по кличке Самсон обнаружила комод со старыми рукописями. Многие из них, украшенные ценными печатями, были написаны на странной бумаге и на незнакомом ей языке, другие же – на немецком, на котором она хорошо умела писать и читать, так как её мать, происходившая из древнего рода графов Хогстратен, передала любовь к старому доброму языку своему ребёнку. Пребывая в одиночестве, Иза начала читать книги.

В один из дней послышался топот копей. Мимо дома проезжала пёстрая свита во главе с принцем Карлом, будущим властелином государства, где никогда не заходит солнце. Принц решил посмотреть на дом с привидениями. Иза испугалась незваных гостей и спряталась в потаённом шкафу коморки отца. Карл, осмотрев дом, где обитали призраки, решил в нём переночевать, чтобы доказать всем свою смелость. На все уговоры не ночевать в странном доме он отвечал отказом. Наступила ночь, принц расположился за столом и стал бодрствовать, но его веки отяжелели, голова поникла, и он заснул. А Иза через замочную скважину не сводила с него глаз из своего укрытия, так не могла наглядеться на принца. Она так восхитилась его красотой, что с величайшей осторожностью подошла к нему и поцеловала принца. Пробуждённый поцелуем, с глазами полными страха сонных видений, словно под градом пылающих ядер, принц стремительно вскочил и, задыхаясь, крича, бросился в соседнюю комнату, где находилось оружие. Испуганная Иза убежала в каморку отца и там спряталась. Когда на крики сбегались слуги, Карл поведал им, что к нему приходил призрак и его поцеловал. «Как ни страшны были чёрные змеи, свисавшие с её головы, прекраснее лица я в жизни не видал», – сказал он. За свою дерзость принц в ту же ночь поплатился жестокой горячкой, ему не переставала грезиться милая головка девушки, бред затуманил ему голову мнимую истиной, и, удручённый, он покаялся на следующее утро своему учителю, что влюбился в призрак.

Несколько дней бедная Иза не могла заснуть и всё думала о принце, а по ночам смотрела во все стороны, не посетит ли он снова дом с привидениями. Старая цыганка строго выговаривала ей, что её юность увянет от постоянных глупых мыслей, но девушка не слышала её, увлекаемая вдаль своими мечтами. Наконец, однажды она спросила старуху, нет ли какого-нибудь средства стать невидимой, чтобы пойти бродить по городу, в тайне надеясь увидеть принца. Брака, жадная до денег, засмеялась и сказала: «Я не знаю другого средства, кроме денег; с деньгами тебе все пути открыты. Ключ ко всему – волшебный корень, отворяющий все двери. Отец твой, может быть, знал и другие средства, но если о них ничего не сказано в его книгах, то

они навеки потеряны». Только хитрая старуха ушла, Иза кинулась к отцовским книгам, которые со времени посещения принца отдыхали в углу. Уже ночью, совсем усталая, она нашла подробные сведения о том, как добыть альраун – существо, способное отыскать клад. Ему было подвластно золото и всё, чего только ни пожелает сердце человеческое, потому что он умел проникать в мысли людей. Рецепт гласил, что тут требуется девушка, любящая всей душой, без всякого плотского вожделения, и она вполне удовлетворится одной только внешней близостью возлюбленного. Далее, такая девушка должна обладать смелостью, превосходящей смелость мужчины, чтобы в одиннадцатом часу ночи пойти с чёрной собакой под виселицу, где невинно повешенный пролил свои слезы на траву, по другой версии, своё семя, которое непроизвольно выливается у повешенного. Там она должна хорошенько заткнуть себе уши паклей и шарить руками по земле, пока не наткнётся на корень мандрагоры. Этот корень представляет собой вовсе не естественное растение, но дитя, порождённое невинным повешенным, корень следует обвязать шнурком из своих собственных волос, привязать его другим концом к чёрной собаке и затем побежать прочь, так что собака, бросившись вслед за ней, выдернет корень из земли. Причём сама собака неминуемо будет тут же убита толчком землетрясения. Кто в то решительное мгновение недостаточно плотно заткнёт себе уши, может сойти с ума от ужасного крика мандрагоры.

Иза всё сделала по старинному рецепту, использовав Самсона, и таким образом у неё появился альраун. Девушка поспешила с ним домой, заперла дверь дома и с трепетом уложила корень в потайной колыбельке. С дрожащим сердцем она смотрела на альрауна и с радостью увидела, что в маленьком существе заметно какое-то внутреннее движение подобно тому, как весной на поле под первыми жаркими лучами солнца после дождя ещё ничего не растёт, но земля раздаётся и рыхлеет. Как солнце вызывает всё к жизни, так и Иза своими поцелуями пробудила дремлющие силы таинственной природы.

Альраун быстро рос, питаясь молоком кошки и подружившись с одним из котят. Прошли месяцы, и он достиг своего полного роста, примерно в три с половиной фута вышиной, и потому казался карликом. Теперь корневой человек имел вид старичка, съжившегося в ребёнка, но обладал всеми дурными свойствами маленьких детей. Он выбрал себе гордое имя Корнелий. И как-то он сказал Изе: «Слушай, Иза, я наблюдал за тобой, и мне сдаётся, что ты уж не так меня любишь, как вначале, и если это верно, то несдобровать тебе!» Иза испугалась, но ничего не сказала. «Мне сдаётся, ты затеваешь что-то злое против меня, ну, да ты у меня сейчас снова станешь добренькой!» С этими словами он прыгнул к ней на колени и так крепко поцеловал её, что чуть было не содрал ей кожу своей жёсткой просяной бородой, но мгновенно малютка стал ей так мил, что она всё забыла, кроме него. Корнелий пообещал на ней жениться, только он был не способен к супружеству – земляной корень есть корень, что с него взять.

Время шло, старая цыганка навещала девушку и по вечерам болтала о чудной жизни горожан Гента, кондитерах и дворецких. Корнелий её внимательно слушал, но ничто не привлекало его в рассказах кроме упоминания о военных и жезле полководца. Он вообразил себя в блестящем вооружении, на портрете в его замке он имел вид фельдмаршала, во главе тысячи рыцарей, проезжающих верхом перед ним. Тут же он начал учить своего друга котёнка ходить на задних лапах и подчиняться командам. Он даже приказал, чтобы в доме называли его маршалом Корнелием, и непременно раздобыли ему соответствующее вооружение. «Для этого нужны деньги, – сказала хитрая Брака, – на дармовщинку только помереть можно. Деньги! Кричит весь свет». Малыш ей отвечал: «Ну, об этом я позабочусь, мне что-то до того не сидится в этом углу! Тут в стене верно запрятано сокровище». Брака тут же метнулась за инструментом и начала разбирать стену, и тут все увидели сундук с монетами. Но не один сундук – его охранял скелет. Чтобы надёжно сохранить сокровища, их хозяин должен был убить своего приятеля, вроде, сказав ему, дружище, а посмотри, что там внизу возле сундука, и когда тот нагнулся, раз его по голове мотыгой, вот тебе и стражник сокровищ.

Первым от вида скелета опомнился альраун и предложил ему остаться с ними, чтобы служить и тут же охранять сундук. Скелет сначала назвал себя Медвежья шкура, а затем поразмыслив, согласился служить Корнелию за плату. Чтобы выглядеть по-человечески, скелет на время исчез, но уже утром вернулся с новым телом, которое стало его плотью. Обладая огромными деньгами, вся компания поселилась в городе Гент.

Уже проживая в городе, Иза однажды выглянула в окошко в ту минуту, когда принц Карл со своей кавалькадой всадников проезжал мимо. Её сердце поразил удар, столь же сильный, как тот, что оглушил её в доме возле холма с виселицей, только не сопровождавшийся тогдашним страхом. Только принц скрылся из виду, она всплеснула руками над головой и так горько заплакала о ненавистной своей доле, что Брака поспешила к ней, но долго не могла добиться от неё причины рыданий. Всё кончилось тем, что, в конце концов, бедная девушка ей призналась, кого она вновь увидела. «Ну, что же, дитя, – продолжала Брака, – будь умна, слушайся меня! Ты должна его получить, и ты получишь его, милое дитя, ведь это давнишний затаённый план нашего племени. От этого будущего наследника половины мира у тебя должен быть ребёнок, который, соберёт рассеянные по Европе остатки твоего народа, потомков фараонов, и отведёт их в святую египетскую отчизну. Не плачь же, от слёз тускнеют твои очи, я ведь желаю только твоего счастья». И затем добавила: «Не подавай виду альрауну, что ты любишь принца. Он должен нам раздобыть денег и доставить случай увидеться с принцем; только хорошенько подольстись к нему».

Замыслив такое, старая цыганка первым делом наняла учителей, чтобы они всех обучили учтивым манерам, кроме Медвежьей шкуры, тот шлялся по тавернам, где удивлял всех своим чрезмерным аппетитом, пожирая огромное количество еды. Сложнее всего в учении пришлось Корнелию. В манеже, несмотря на свои яростные гримасы, он не мог избежать насмешек над собой – самые смиренные лошади под влиянием его вечного беспокойства сбрасывали его с седла. Но его ничем нельзя было напугать, он опять вскакивал на них, и нередко попытки повторялись по десяти раз в час. Успешнее шло остальное его образование. Он часто посрамлял своим красноречием учителя риторики и раздражал его своим издевательством. Корнелий ловко мог подражать языку большинства других людей; его злая воля, пользуясь тем, что он проницательным взглядом умел выведывать затаённые мысли, приобрела ему много знакомых, которые ему покровительствовали и наладили его отношения с разными людьми. Корнелий во время учения познакомился с фехтованием и театром, придя в полный восторг от последнего. Его увлекла театральная история человека, превращённого женой в собаку, и сколь тот бедолага не пытался доказать, что он такой же разумный человек, как и другие, ему не верили и только над ним потешались. Восхищение альрауна от пьески оказалось столь велико, что он сам, а за ним и его кот, который его везде сопровождал, полез на подмостки, за что получил от шута здоровенный удар по спине. Наш малыш почёл себя жестоко оскорблённым, выхватил шпагу и бросился на шута, а тот начал презабавно обороняться против него своей подушкой. Кот, помогая в битве Корнелию, поднявшись на задние лапы, пытался передними ободрать шута. Зрители завопили от восторга. Когда же Корнелию удалось своей шпагой проткнуть маленькую дырку в ноге шута, зрители оказались недовольны таким нарушением театральности, а один дородный крестьянин заявил даже, что обкарнает малому нос и уши. Поэтому, недолго думая, Корнелий с котом ретировались с подмостков.

Слухи о необычном карлике и его приятеле дошли до принца. Карл, будучи человеком весёлого нрава, приказал пажу пригласить их к столу. Маленький Корнелий вошёл в комнату принца не без внутреннего трепета, но с тем большей дерзостью и бесстыдством. Карл ещё был молод и неопытен, и чувство сострадания умерило смехотворное впечатление, произведённое на него маленьким бородатеньким парёнком и огромны котом при нём. Карл стал расспрашивать о его стране, и карлик проявил неисчерпаемое остроумие в описаниях крестьян Хогстратена, так что все слушатели поклялись бы, что всё сказанное правда. От похвал, Кор-

нелий заносился всё выше и выше в своём тщеславии, он начал хвастаться поединком, в котором бился за честь своих дам с двумя рыцарями и обоих их убил, сам же получил ранение в грудь и прибыл в Гент почти умирающим. Когда некоторые задали ему вопрос о пользовавшем его хирурге и с явным недоверием отнеслись к его самоуверенному тону, он расстегнул свой жилет и показал свою рубчатую кожу корнеплода, и все приняли рубцы за следы ран. После этого подвига он стал похвастаться своими богатствами и знатным родом, что его тётка Брака оказалась такою родовитой дамой, такою образованной, доброй, такого тонкого обращения, что в Генте не сыскать подобной. Его кузина Иза красотой своей, по его описанию, превосходила троянскую Елену, при этом он рассказал о её невинности и в заключение намекнул, что женится на ней. Принц в конце беседы так очаровался карликом, что пригласил семейство госпожи фон Брака к себе в замок.

В одно прекрасное утро приодевшись и купив красивую вызолоченную карету, Брака со своей свитой отправились к замку принца Карла. Корнелий в своём шлафроке расположился меж дам, его голову поддерживала госпожа Брака, а его ноги девица Брака, Медвежья шкура уселся на козлах, кот примостился рядом. Так пустились они в путь с бьющимися сердцами, отчасти от страха, отчасти от того, что платья оказались им тесны, ибо, приобретённые у хозяйки их дома праздничные чужие наряды никому сразу не бывают впору. Вот показался замок и стража при нём. «Стой! Кто вы?», вскричал стражник. «Я госпожа фон Брака. Из Хогстратен! – отвечала хитрая цыганка. – Это вот моя дочь, рядом с нами мой племянник, господин фон Корнелий». «Проезжайте!», рывкнул стражник, открывая ворота.

На приёме принц и Иза увидели и тут же узнали друг друга, любовь подобно молнии с новой силой вспыхнула между ними. После нескольких встреч с семейство фон Брак, принц наконец оказался наедине с девушкой, и смелости у него прибавилось. С волнением спросил он её, правда ли, что малыш Корнелий её жених, и в ожидании нерешительного ответа настолько потерял самообладание, что вышел из своей сдержанности. Невинная девушка была слишком искренна, чтобы изобразить притворное изумление. Наконец Иза сказала, что брака с кузеном желает только её мать, а не она сама. Эрцгерцог заклинал девушку не покоряться так всецело воле своей матери и не жертвовать счастьем жизни и красотой горю несчастного замужества; о своей любви он умолчал при этом. Уже дома Иза с радостью сообщила Браке, что принц желает на ней жениться. Брака нашла, что в этом есть своя дурная сторона и дело может кончиться тюрьмой, когда откроется кто они, и затем сказала, что она должна прямо и без обиняков дать понять принцу, что хочет иметь от него ребёнка, он принесёт счастье её народу, и всё тогда устроится само собой без всяких обрядов. Иза обещала сделать всё по указанию старой цыганки, как только представится случай.

Такой случай не замедлил представиться довольно странным образом. Без всякого отлагательства принц поведал своему другу Ценрио о своих муках ревности, и тому сразу же пришла в голову замечательная идея. В ярмарочном райке повстречался он с одним польским евреем, уже ранее забавлявший его своим искусством мастерить големов. Эти големы представляют собой глиняные фигурки, воспроизводящие какого-нибудь определённого человека до такой степени, что его невозможно отличить от живого. Над глиняными чудовищами произносятся таинственные и чудодейственные заклинания, а на лбу пишется волшебное слово, после чего они оживают и могли использоваться для разных дел, в основном для работы, если бы они не вырастали с такой быстротой, что скоро начинают превосходить силой своих создателей. Но куда можно достать до их лба, их ничего не стоит умертвить: нужно только стереть со лба первую букву «е», тогда останется лишь «мэт», что означает мертвец, и големы мгновенно распадаются подобно сухой глине. Случается, что работницу, копающую яму с песком, отзовут куда-нибудь, и она набросит плащ на свою песочную кучку, чтобы другие не трогали её, так и плащ голема прикрывает только какую-то бесформенную массу, когда с него стирают надпись.

Старого еврея привели к принцу, и тот потребовал, чтобы еврей сделал ему слепок прекрасной Изы, за что обещал вознаградить его по-княжески. Еврей при этом сказал: «Как думаете вы, государь мой, почему бог сотворил людей, после того как всё остальное было уже сделано? Очевидно потому, что это заключалось в их природе, созданной мыслью божьей. Человек, созданный по образу божию, сам может творить подобное, если он только знает те слова, которые бог произносил при этом. Если бы у нас был рай, то мы могли бы наделать столько людей, сколько в нём нашлось бы комков земли. Но так как мы изгнаны из рая, то наши големы настолько же хуже, насколько глина нашей земли хуже райской глины». Еврей потребовалось только, чтобы Иза разок взглянула в его волшебное зеркало – образ её в нём сохранится и затем будет передан голему. Волшебное зеркало находилось в райке, и вся задача заключалась лишь в том, чтобы завлечь в него Изу. Ценрио, знакомый уже с корневым человечком, взял на себя заботу о том, чтобы привести его с его красавицей посмотреть на раёк, а переодетый принц в это время должен был спрятаться за райком. Все поспешили по местам.

Ценрио нашёл Корнелия на скачках и шепнул ему на ухо, чтобы он не принимал слишком близко к сердцу холодность принца при их последней встрече, так как один тайный его недоброжелатель насплетничал принцу про его историю с актёрами. Малыш чрезвычайно обрадовался и, представив Ценрио свою невесту, просил его не покидать их общества. Ценрио наговорил Изе всяких любезностей и предложил посетить раёк, показывающий в пёстрых картинах, просвечиваемых светом, всякие города и народы. Они направились туда. Сначала Иза, затем Корнелий стали глядеть в раёк. Корнелий, поражённый великолепием картин, охотно посмотрел всю серию картинок ещё раз. Он пребывал в полном восторге от всего, что увидел: в каждом городе он воображал себя его князем, глядя на чужеземных солдат, он представлял себе, какой у него был бы вид в мундире их полководца.

Тем временем принц вступил в тихий разговор с Изой и без помех увлёк её за собой, незаметно для малыша, а еврей тем временем, беседуя с Ценрио, работал над изображением пришедшей девушки. Старый еврей закончил свою работу, дунул на статую, поднёс к ней зеркало и написал у неё на лбу заветное слово, скрыв его под локонами, и тогда перед ними предстала вторая Иза, которая благодаря волшебному зеркалу знала всё, что до той минуты было известно Изе, но не имела никаких собственных страстей, кроме тех, что имелись в мыслях еврея, а не Создателя: высокомерие, сладострастие, скупость. Ценрио подвёл голема к малышу, который, наконец, насмотрелся досыта и под руку со своей новой Изой направился домой через вечернюю сутолоку весёлой толпы. Брака, Медвежья шкура и кот не заметила подмены.

Мучаемый ревностью Корнелий произнёс за ужином: «Может быть, ты меня опять обманываешь, Иза; кто знает, о чём ты на эту ночь договорилась с принцем? Дай мне доказательство твоей искренности. Завтра по утренней прохладе мы отправимся в соседнюю деревню, где тихо обвенчаемся, и уже мужем с женой вернёмся в Гент, чтобы вслед за тем навсегда его покинуть и избавиться от происков льстивого принца. Мы отправимся в Париж, и свой военный талант я предложу в распоряжение французскому королю, который знает цену храбрым людям, хотя бы они и были низенького роста».

Голем Иза молчала: у неё отсутствовала готовность ответить на такой случай. Малыш истолковал её молчание в свою пользу, и, когда Брака хотела вставить несколько слов со своей стороны, он выхватил шпагу и поклялся омочить её в крови старуха, если та будет противодействовать его счастью. Брака затряслась от страха и больше ни куска не могла проглотить. Малыш велел Медвежьей шкуре укладывать вещи и нанять извозчика до ближайшего села за любую цену. Из страха перед пьяным хозяином Медвежья шкура взялся за дело с величайшим усердием и не проронил ни слова.

Карету подали ранним утром, и все уселись в неё, прежде чем хозяйка дома успела заметить отъезд своих жильцов. Город покидала под раскаты грома грозы странная компания, возглавляемая старой ведьмой, скорее её свита, чем компания. Грозу постепенно уносило, а через

реку, перекинувшись аркой стояла разноцветная радуга, словно, пила воду из реки. Свита, состоящая из мертвеца-рыцаря, притворяющегося живым, молодого человека, вырезанного из корня, ходящего на задних лапах кота, глиняной красавицы, сидела в торжественном и сосредоточенном настроении в карете, лелея высокие мечты о счастье жизни, ожидающем их впереди, о сокровищах, геройских подвигах и чаевых деньгах, на которые Медвежья шкура немало рассчитывал по случаю праздничка. Сколь напрасно мучает нас наше отношение к тому или другому происходящему! Представим, что перед нами оживший мертвец, корень, зверь, комок земли, и наша печаль и наш гнев рассеются, подобно всякой скорби о нашем времени, если бы мы только осознали, наконец, что мы лишь грезим, как грезили они о человеческом счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.